

Сергей Дергунов

ВЛАСТЕЛИН

Книга 1

Свобода равенство
и
братство

16+

Сергей Николаевич Дергунов

Властелин. Книга 1. Свобода, равенство и братство

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63946711
SelfPub; 2021*

Аннотация

То, что происходит на Земле сегодня, началось не вчера. К сегодняшнему итогу привела человечество непрерывная цепь событий, начиная от, так называемой, «эпохи просвещения», и заканчивая «пандемией». В цикле «Властелин» автор под «микроскопом», с хронологической точностью рассматривает значимые исторические события, знаменитых персонажей и выявляет их роль в реальной истории. Главный герой первой книги цикла – граф Сен-Жермен. Это самый влиятельный персонаж в истории современной цивилизации и наиболее "забытый" официальной наукой.

Содержание

Книга 1. Свобода равенство и братство.	5
Пролог	5
Глава 1. Придворный фактор.	6
Глава 2. Остров свободы	35
Глава 3. Финансисты.	100
Глава 4. Русская карта.	140
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Сергей Дергунов Властелин. Книга

1. Свобода, равенство и братство

Мой мозг только приемное устройство. В космическом пространстве существует некое ядро, откуда мы черпаем знания, силы, вдохновение. Великие тайны нашего бытия еще только предстоит разгадать, даже смерть может оказаться не концом.

Тесла

Книга 1. Свобода равенство и братство.

Пролог

Он стоял на берегу залива. Февральский ветер раздувал полы расстегнутого черного плаща. Обе руки в черных перчатках опирались на золотую змеиную голову, венчающую трость. Казалось, он не ощущает ни колючего мелкого снега, припорошившего его белый парик, ни пронизывающего холода, от которого съежился стоящий поодаль слуга.

Его и на самом деле сейчас мало волновали внешние раздражители. Все его мысли были заняты одним: предотвратить сегодня убийство графа де Сен-Жермен, или не вмешиваться в развитие событий? К сожалению, граф стареет и все с большим трудом выполняет возложенную на него миссию. Сколько он протянет? Год? Два? Десять? В любом случае, это будут годы мучений от старческих болей. Он этого не заслужил. Пусть события идут своим чередом.

Глава 1. Придворный фактор.

Холодным декабрьским днем 1763 года дверь отделения банка Оппенхайма в Ганновере со скрипом отворилась. Клерк, сидящий за конторкой, поднял глаза и увидел невысокого коренастого мужчину, уверенно входящего в помещение. Судя по одежде, он мог быть и высокородным бароном, и богатым магнатом, которые с недавних пор стали подражать в одеянии наследной знати.

Встретившись взглядом с посетителем, клерк сделал непроизвольную попытку привстать, но ноги перестали его слушаться.

– Скажите, в вашем банке есть кто-то, кто разбирается в старинных монетах? – мягкий баритон вошедшего родил в голове клерка лишь набор приятных звуков, смысл которых от него ускользнул.

– Простите, мой господин? – виновато переспросил он.

– Я говорю, мне нужен специалист по старинным монетам. В этом банке есть такой?

– Вам лучше поговорить с господином Бауэром, мой господин. Я его позову.

Клерк постучал кулаком в закрытое деревянными ставнями окошко. Ставни распахнулись, и в окошке показалась голова молодого человека. Темные волосы не могли скрыть его

высокий лоб. Узко посаженные карие глаза вопросительно уставились на клерка из-под прямых бровей.

– Вам бы надо выйти, поговорить, господин Бауэр, – скосив глаза в сторону посетителя, произнес клерк.

Молодой человек закрыл ставни и, спустя несколько мгновений, появился за конторкой.

– Я Майер Бауэр, младший партнер этого отделения. Чем могу служить?

– Взгляните на эту монету, господин Бауэр. Что вы о ней скажете?

Молодой человек взял в руки протянутую золотую монету, внимательно осмотрел ее со всех сторон и положил на прилавок.

– Это золотой нобль английского короля Эдуарда Третьего. Очень старая монета, но не очень редкая. Перед Столетней войной их было начеканено сотни тысяч фунтов.

– Я вижу, вы большой знаток, господин Бауэр. Меня интересует ее ценность на сегодня.

– Насколько я знаю, коллекционеры не гонятся за этой монетой, но думаю за десять талеров продать ее можно.

– Неужели? А мне в одной меняльной лавке сказали, что ей красная цена пять талеров.

– Пять талеров – это чистый грабеж, господин...

– Уэлдон.

– Господин Уэлдон, – закончил свою мысль Майер.

– Я вам очень обязан, господин Бауэр. Своей консульта-

цией вы обогатили меня на пять талеров. Могу я, в знак благодарности пригласить вас на обед? Здесь неподалеку неплохой трактир.

«А почему нет? Сэкономлю на обеде несколько пфеннигов», – подумал молодой человек, а вслух сказал:

– Да мне как-то неудобно. Не такая уж большая услуга.

– Никаких неудобств, господин Бауэр. Не люблю быть должным.

– Ну, если вы настаиваете... Я только оденусь.

– Я подожду.

Через пару минут два господина покинули помещение банка и направились к трактиру. Дул пронизывающий ветер. К концу короткого пути Майер успел замерзнуть, чего нельзя было сказать по виду его спутника.

Из пяти столов в трактире, один, в дальнем углу, оказался свободным. Когда новые посетители уселись, трактирщик молча поставил на стол порцию бараньего рагу и глиняную кружку с пивом.

– Нам две порции, – забеспокоился Майер, боясь остаться без обеда.

– Не волнуйтесь, господин Бауэр. Это все вам.

– А вы разве не будете, господин Уэлдон?

– У меня строжайшая диета. Я ем по часам, и только то, что готовит мой повар. Так что не беспокойтесь и приступайте. А я пока задам вам несколько вопросов.

– Ну, хорошо, господин Уэлдон, – сказал Майер, а сам

насторожился:

«Какие еще вопросы? Уж не конкурент ли это господина Оппенхайма?».

– Скажу сразу, господин Бауэр, меня не интересует банк вашего патрона. Меня интересуют вы. Вы удовлетворены своим сегодняшним положением?

– Мне еще только двадцать лет, а я уже партнер банка, – ответил Майер, не отрывая взгляда от своего блюда.

Он радовался возможности не смотреть в глаза собеседнику. Уж больно взгляд у него... Майер не мог подобрать слова, какой у него взгляд. Казалось, он проникает в твои мысли и читает там все, как в открытой книге.

– Младший партнер, господин Бауэр. Младший. И это ваш потолок. Выше вам не прыгнуть. У Оппенхайма есть свои сыновья. Они займут его место, а вы так и останетесь «младшим» до конца жизни.

– Что ж поделать? Господин Оппенхайм обучил меня всему, и я плачу ему своей преданностью.

– Это хорошо, что вы умеете быть благодарным. Но если вы хотите круто изменить свою жизнь, я буду ждать вас завтра вечером в сером особняке на Оберштрассе. А теперь мне пора. Спокойно пообедайте. Можете заказать еще – за все уплачено.

Когда Майер остался один, у него словно гора с плеч упала. С первого взгляда на своего нового знакомого его не покидало чувство тревоги. Сейчас давление исчезло, а вместо

него зародилось любопытство. Что же имел в виду странный посетитель, когда говорил «круто изменить свою жизнь»?

Покидая трактир, Майер смотрел на хозяина: не остановит ли? Не заставит ли расплатиться? Но все обошлось, и молодой человек благополучно вернулся на рабочее место.

И, как назло, здесь его поджидал владелец банка.

– И где ты был? – с упреком в голосе заворчал он, – или ты стал такой важный, что старый Якоб должен за тобой бегать?

– Простите, господин Оппенхайм, но я просто сходил пообедать.

– Пообедать он сходил. Говори, что ты разболтал Уэлдону?

– Ничего. Он меня ни о чем не спрашивал.

– «Не спрашивал». Он тебя за красивые глаза накормил? Майер посмотри мне в глаза.

Майер, не мигая, уставился на своего патрона. В душе он потешался над этой привычкой «дядюшки Оппенхайма». С чего старый банкир решил, что может прочесть ложь во взгляде? Сам Майер неоднократно его обманывал и научился «честно» смотреть в глаза. А в этот раз даже обманывать не нужно.

– Я говорю правду. Он ни о чем не спрашивал, относительно банка, а интересовался старинными монетами.

– Как же я забыл!? Ты же у нас самый главный нумизмат в городе. Сам Уэлдон приходит к тебе за консультацией.

– Простите, дядюшка Якоб, вы его знаете?

– «Дядюшка Якоб», – передразнил старик. – Нет никого на свете, кто бы мог сказать: я его знаю. Ты думаешь Уэлдон – его настоящая фамилия?

– Не знаю.

– «Не знаю». На английском это значит «благодетель». Понимаешь?

– Не совсем, дядюшка.

– Эх... Не побрезгуй советом старика, сынок, держись от него подальше.

– Хорошо, дядюшка.

– «Хорошо, дядюшка». Забыл, зачем ты мне был нужен..., а, вспомнил! Найди мне завтра к вечеру три тюка вот такого сукна.

Старый банкир вынул откуда-то из-под полы кусок ткани и вручил Майеру. Тот, взглянув на образец, убрал его в карман.

– Хорошо, господин Оппенхайм.

– И смотри, не переплати.

– Хорошо, господин Оппенхайм.

Весь следующий день Майер мотался по городу в поиске поставщика ткани. Казалось бы, чего проще: приди в любую лавку и сделай заказ. Любой купец руками и зубами ухватится за такое выгодное дело. Но беда в том, что все в городе знали, на кого работает молодой Бауэр, и хотели извлечь максимальный гешефт.

Поначалу, Майер легко боролся с жадностью купцов. Он

приходил в первую попавшуюся лавку и узнавал цену. Ничего не обещая первому купцу, он шел к следующему и в разговоре «ненароком» упоминал о предыдущем предложении. Обойдя всех купцов, он добивался действительно минимальной цены. Однако вскоре его хитрость раскрылась, и торговцы договорились о пороге снижения.

Договориться-то они договорились, но «лакомый кусок» отдавать в чужие руки никому не хочется. Поэтому каждый купец завершал свой разговор с «уважаемым господином Бауэром» примерно одинаково:

«Дешевле вы не найдете, господин Бауэр. И учтите, только ради вас, я могу еще чуть-чуть скинуть».

По привычке, обходя купцов, Майер в пол-уха слушал их предложения, машинально отвечал, но все мысли его были заняты другим. Он решал, принять ему приглашение Уэлдона или забыть об этом странном человеке, как советовал дядюшка Якоб.

В конце концов, пока ты молод, у осторожности нет шансов победить любопытство. Двадцатилетний Майер не стал исключением. Уже затемно он заглянул в банк, доложил патрону о результатах и, не заходя домой, отправился искать серый особняк на Оберштрассе.

На этой небольшой улице особняк из серого тесаного камня был единственным среди краснокирпичных домов. Даже искать не пришлось. Молодой человек подошел к подъезду и постучал в тяжелую дубовую дверь прикрепленным к ней

молоточком.

Дверь открыл слуга, держащий подсвечник в одной руке. Он молча отодвинулся вглубь, пропуская Майера внутрь дома. Три свечи в подсвечнике выхватывали из темноты небольшие освещенные куски окружающего пространства. Вот лестница, вот коридор, вот дверь справа, вот дверь слева, вот дверь спереди. Слуга распахнул эту дверь, и за ней оказалась светлая большая комната со столом, накрытым на две персоны.

– А, Майер! Рад, что ты принял мое приглашение, – хозяин дома встречал едва знакомого молодого человека, как давнишнего друга, однако его радушие не показалось Майеру напускным.

– Вы хотели о чем-то со мной поговорить, господин Уэлдон?

– Не спеши, пообедай. У тебя был трудный день. Ты ведь с утра ничего не ел?

– Откуда вы знаете?

– О, мальчик мой, я много чего знаю.

«Мальчик мой» – это уж слишком, подумал Майер, усаживаясь за стол, – так меня только отец называл».

– Может, тебя шокирует мое обращение, Майер? Ты только скажи.

– Что вы, господин Уэлдон! Вы можете меня называть, как вам будет угодно.

– Хорошо. Тогда советую тебе начать вот с этого бульона.

Пока Майер с аппетитом поглощал одно блюдо за другим, хозяин дома лишь едва притронулся к непонятной желеобразной массе в своей тарелке. При этом он беспрестанно рассказывал веселые анекдоты из жизни знакомых Майеру персонажей. Под разговор молодой человек не заметил, как оказался не в состоянии проглотить последний кусок. Только теперь он понял, что означает выражение «наесться до отвала».

– Надеюсь, ты перекусил? – заметив состояние гостя, осведомился хозяин.

– Не то слово, господин Уэлдон. Никогда в жизни не ел так вкусно и так много.

– Тогда давай перейдем в кабинет и поговорим.

Уэлдон поднялся первым. Одновременно с его движением слуга распахнул дверь в смежную комнату, и взору Майера открылся кабинет. Вернее, «открылся» только большой дубовый стол, покрытый зеленым сукном. Двух свечей, стоящих на столе, не хватало, чтобы осветить стены кабинета, но было достаточно, чтобы очертить контуры стула, стоящего перед столом.

Войдя в кабинет, Уэлдон уселся за стол, а Майеру жестом предложил занять стул. Какое-то время хозяин молча смотрел в глаза своего гостя. Майер почувствовал, как его покидает напряжение и просыпается необычайное доверие к этому необыкновенному человеку.

– Как ты думаешь, мальчик мой, Оппенхайм – богатый

человек? – слова хозяина прервали благостные мысли и настроили на деловой лад.

– Да, очень.

– Почему ты так думаешь?

– Я не знаю ничего, чтобы он не мог купить. Я думаю, он самый богатый еврей в Саксонии. Ведь он ведет финансовые дела самого курфюрста Саксонского и пользуется его покровительством.

– А ты не хотел бы вести дела какого-нибудь владетельного князя?

– Что толку хотеть? Придворными евреями становятся редкие счастливики.

– В этом мире нет ничего невозможного, мальчик мой. А стать придворным фактором, не такая уж сложная задача. Особенно, если я тебе в этом помогу.

– Простите меня, господин Уэлдон, но почему вы будете мне помогать? Я имею в виду, почему я? Вы ведь собираетесь помогать мне не просто так?

– Не скрою, у меня есть на твой счет определенные планы, но они не станут для тебя слишком обременительными. И первая твоя задача – стать придворным фактором Гессенского дома.

«Стать придворным фактором Гессенского дома», – эхом зазвучала эта фраза в голове Майера, – об этом мечтал каждый еврей его родного франкфуртского гетто. Йозеф Мо-зес, главный придворный еврей принца Гессена, графа Ганау

Вильгельма считался кем-то вроде небожителя. Неужели и он, Майер Бауэр, может надеяться на такое счастье?

– Но как мне войти в Гессенский дом? – решил на вопрос молодой человек, еще боясь поверить в реальность недостижимой мечты.

Не отвечая на вопрос собеседника, Уэлдон выдвинул ящик стола, вынул золотую монету и выложил ее на стол. В сумрачном свете Майеру показалось, что он уже видел вчера такой же золотой нобль, но, приглядевшись, понял: монета другая. Майер перевернул монету. Никогда в жизни он такой не видел. Зато много о ней слышал. За этой монетой охотятся все коллекционеры мира. Золотой флорин Эдуарда Третьего. Ее еще называют «двойной леопард». По изображению леопардов Майер и догадался, что это за монета. Он поднял взгляд и, всем видом выражая вопрос, взглянул на хозяина дома.

– Да, да, мальчик мой. Это именно та монета. Я слышал, молодой граф Ганау, – заядлый коллекционер. Как ты думаешь, заинтересуется он «двойным леопардом»?

– Любой коллекционер душу дьяволу продаст, чтобы завладеть этой монетой.

– Души его дьяволу не надо, – с улыбкой произнес Уэлдон, – а вот получить его душевное расположение к тебе – будет в самый раз. Я тебе дам еще несколько редких монет. Перед таким «оружием» принц не устоит.

– Хорошо, стану я придворным евреем. Что потом? Что

мне делать потом?

– Для начала, сделаешься ему полезен. Возьмешь у него несколько неликвидных векселей и привезешь их на биржу в Амстердам. Зарегистрируешься на бирже, и будешь ждать. К тебе подойдут мои помощники и все сделают.

– Вы сказали «сначала», значит, есть продолжение? Я ведь должен что-то делать еще? Я хочу сказать, должна же быть какая-то цель. Чего я должен стремиться достичь?

– Цель простая: богатей. Иногда к тебе будут приходить с просьбами мои посланцы. Считай, что это мои просьбы. Вот и все. Трать на себя и свою семью, сколько захочешь, но не забывай, чьи это деньги. Надеюсь, справишься?

Майер задумался. Уж слишком заманчивое предложение. Можно ведь воспользоваться монетами, стать придворным евреем, а про все остальное благополучно забыть. Никаких конкретных результатов от него не требуется, значит, и спросить не за что.

– А как я узнаю, что посланцы прибыли от вас?

– Тебе покажут вот такой знак.

Хозяин вынул запечатанный конверт из лежащей на столе книги и положил его перед гостем сургучной печатью наверх. На печати был изображен глаз, расположенный внутри кольца. Приглядевшись к кольцу, можно понять, что это змея, схватившая пастью себя за хвост.

– Я должен что-то подписать?

– Думаю, это лишнее. У меня достаточно способов нака-

зять тех, кто собирается меня обмануть.

Произнося последние слова, хозяин посмотрел в глаза Майера. Жуткий страх начал окутывать сознание молодого человека. Он уже хотел от всего отказаться и бежать из серого особняка. Не нужно ему ничего. Лучше он останется на всю жизнь младшим партнером дядюшки Оппенхайма. Однако через несколько мгновений страх прошел, и нахлынула волна стыда за свою слабость. Майер почувствовал, как pokrылся потом, и это его еще больше смутило.

– Я вас не подведу, мой господин, – только и смог вымолвить он. – Когда мне возвращаться во Франкфурт?

– Не торопись. Скоро дела у твоего «дядюшки» пойдут на спад, тогда он сам тебя рассчитает. Думаю, отступные тебе не помешают? А теперь можешь идти.

Майер встал и направился к выходу.

– Ты забыл монеты.

– А нельзя, чтобы они лежали у вас, пока господин Оппенхайм меня не рассчитает? – обернувшись на выходе, спросил молодой человек.

– Нет. Меня здесь вскоре не будет, а тебе пора привыкать к ответственности.

Майер вернулся к столу, забрал мешочек с монетами и двинулся к двери. Но оклик хозяина дома заставил его остановиться еще раз.

– Постой, Майер. Скажи, а что это за красная табличка висит над твоим домом во Франкфурте?

– Как вы узнали? – резко обернулся удивленный юноша.

– Скоро ты перестанешь удивляться, а пока ответь на вопрос.

– Я не знаю. Сколько себя помню, она всегда там висела. Почему вас это заинтересовало?

– Понимаешь, Бауэр – слишком распространенная еврейская фамилия. Когда о тебе заговорят, я должен точно знать, что это – о тебе, а не о другом Бауэре. Вот я и подумал: красная табличка – Ротшильд – свежо и оригинально.

– Ротшильд? – Майер пробовал новое слово в разных сочетаниях, – я не знаю, что сказать.

– Ты подумай. Я не настаиваю.

– Хорошо, я подумаю.

Как и предсказывал Благодетель, дела в банке Оппенхайма не заладились. Сначала пришла плохая новость из Вены. Давняя тяжба с императорским домом закончилась не в пользу Оппенхаймов. Им не только не вернули долги, но и конфисковали остальное имущество.

Дурной пример заразителен. Один за другим немецкие владетельные бароны затягивали с выплатой своих долгов «придворному фактору». Доходило до того, что «дядюшке Оппенхайму» нечем было выплачивать жалование своим служащим.

Все чаще патрон намекал Майеру, что он слишком дорого обходится отделению банка. Младший партнер делал вид, что не понимает намеков и собирался дожидаться весны. Но

дела в банке шли все хуже и хуже. Майер начал сомневаться, что в таких условиях сможет получить хоть какие-то отступные, и он решился на разговор с «дядюшкой».

– Я понимаю, что становлюсь вам в тягость, господин Оппенхайм. Тяжелее этого для меня ничего нет, ведь вы так много для меня сделали. Если бы у вас нашлось для меня двадцать талеров отступных, я бы уже завтра отправился домой.

– Хорошо, что ты сам об этом заговорил. Я и не знал, как тебе сказать. Но, Майер, двадцать талеров – это же очень много!

– А сколько не очень много, господин Оппенхайм?

– Сколько? Ну, хотя бы десять...

«Десять талеров! Я и рассчитывать не мог, что «дядюшка» так расщедрится. Может, и не настолько плохи его дела?».

– Мне ведь ехать в такую даль, – решил доиграть свою роль Майер, – да и на новом месте нужно как-то устраиваться. Может, пятнадцать талеров будет в самый раз?

– «Устраиваться ему нужно». Ладно, договорились, – облегченно произнес банкир.

Уже через день Майер Бауэр трясся в почтовой карете, направляющейся во Франкфурт. В его маленькой походной сумке лежало целое состояние – пятьдесят талеров. К «дядюшкиным» пятнадцати талерам добавились еще тридцать пять, которые младший партнер сумел скопить за четыре года работы в банке. Но главное его богатство – коллекцию мо-

нет – Майер не стал укладывать вместе с остальными деньгами. Уж очень это рискованно – везти такую ценность в простой сумке. В дороге всякое может случиться.

Три месяца назад, после встречи с Благодетелем Майер вошел в свою съемную каморку в мансарде небольшого доходного дома и задумался, где спрятать монеты. Зашить в подушку или матрац? Но там будут искать в первую очередь, если решатся ограбить. Оторвать доску пола и спрятать под ней? А вдруг жильцы первого этажа затеют ремонт и начнут менять потолок? Нет, монеты нужно хранить при себе. Майер сшил себе специальный пояс. Каждая монета помещалась в отдельный кармашек, сам пояс застегивался на талии с помощью крючочков и петелек.

Сейчас этот пояс оказался как нельзя кстати.

Шесть дней в дороге прошли без особых приключений, если не считать бесконечную тряску и ночевки на почтовых станциях за приключение.

От троих остальных пассажиров кареты Майер держался подальше. Не то чтобы они ему не нравились. Вернее, не нравились, конечно, но только двое. Молодые знатные выскочки. Расфуфыренные франты. Индюки надутые. Ну почему такие нравятся женщинам?

В том, что они нравились третьей пассажирке кареты, Майер не сомневался. Она благосклонно принимала ухаживания обоих франтов, смеялась над их тупыми шутками. В первый день путешествия, когда фонтан шуток обоих выско-

чек иссияк, девушка посмотрела на Майера и спросила:

– А вы почему молчите, молодой человек?

Майер поздно понял, что вопрос обращен к нему. Он поднял взгляд на девушку. На него смотрело милое, улыбающееся личико и ждало ответа. Вместо того чтобы выдать какую-нибудь остроту, он залился краской и невнятно промямлил:

– Я ни... мне нечего сказать.

Улыбка с лица девушки исчезла. После этого он стал для нее и индюков пустым местом. Они для него – тоже. Ну, кроме девушки. Всю оставшуюся дорогу он надеялся, что она еще раз задаст вопрос. Он приготовил несколько острот и анекдотов на такой случай. Но случай не представился до самого Марбурга, где прекрасная незнакомка благополучно сошла.

Отсутствие девушки превратило остроумных расфуфыренных индюков в угрюмых сычей, которые ни слова не проронили до самого конца поездки. Украдкой наблюдая за молодыми франтами, Майер видел, как они страдают, и это его забавляло. Оказывается, он правильно себя вел! Оказывается, чтобы не страдать, не надо влюбляться.

Шесть долгих дней в дороге позади. Он на пороге родного дома. Пустого дома. Совсем пустого. Ничего, кроме стен. Выяснять, кто растащил мебель, Майер не стал. Наверняка, это его кузены. Не от хорошей жизни они опустошили его «гнездо». Пусть пользуются, а он не обеднеет, если истратит

пару талеров на обустройство.

Весь первый день ушел на решение житейских вопросов. Закупить дрова, кое-какую мебель, постельное белье, письменные принадлежности. Зато к вечеру его дом снова превратился в жилой.

Закончив с обустройством, Майер обошел своих родственников и сообщил, что вернулся. Везде его встречали настороженно: каждый что-то утащил для себя из дома под красной вывеской. Только когда выяснялось, что претензий молодой Бауэр не предъявляет, радость родственников по поводу его возвращения становилась искренней.

На следующий день Майер приступил к исполнению своего плана, который созрел еще по дороге и состоял из двух пунктов. Первым пунктом он собирался написать письма всем известным ему нумизматам, кроме одного. Этот один должен был узнать о коллекции из слухов и заинтересоваться ей. Вот тогда вступит в действие пункт два.

Майер уселся за стол и принялся сочинять текст письма. Это было не сложно. За время работы в банке Оппенхайма он составил не менее сотни деловых писем.

Текст письма получился таким:

«Имею честь предложить Вам коллекцию редких монет в составе: (далее идет перечисление монет). Понимая, что эта коллекция бесценна, я не могу для Вас выставить непомерную цену. Но и отдавать ниже цены, за которую я приобрел эту коллекцию, не вижу возможности. Сведя вместе обе

причины, готов расстаться с уникальной коллекцией за 5 000 (Пять тысяч) талеров. С уважением...».

Осталось вписать обращение к адресату и поставить подпись. Первое же письмо он подписал: «Майер Ротшильд».

Майер не рассчитывал получить ответ хотя бы от одного респондента. Он надеялся на распространение слухов. Нигде, кроме, как в письмах, он даже не упоминал фамилии Ротшильд. Значит, если на улице зазвучит эта фамилия, первый пункт плана можно считать выполненным.

Выждав пару дней, Майер начал бродить по рынкам и площадям города. Выходил за город и слонялся по окрестностям Ганау – резиденции принца Гессенского. Он бродил и прислушивался, бродил и прислушивался.

Чтобы дом во время его отсутствия не оказался пустым, он нанял за малые деньги одного из своих племянников.

Неделя прошла без всякой реакции на письма. Наконец, вернувшись домой на исходе седьмого дня, Майер услышал долгожданный отчет племянника:

- Приходил какой-то генерал, дядя Майер.
- Генерал? Откуда ты знаешь, что он генерал?
- Он сам сказал, что он генерал Фи..., Фо... Не помню. Он записку написал.

Майер нашел записку на столе. Она не была многословной. Коротко, по-солдатски в ней значилось:

«Готов купить Вашу коллекцию за одну тысячу талеров. Генерал Карл фон Эсторф».

Это успех! Генерал фон Эсторф – близкий друг графа. Он обязательно расскажет тому о коллекции, но не раньше, чем сам утратит шанс ее приобрести. Значит, нужно так ответить генералу, чтобы сразу развеять его надежды. Но этого мало. В ответном письме должна быть веская, но необычная причина отказа. Тогда генерал расскажет своему другу о курьезном случае при ближайшей okazji.

Осталось придумать текст письма. Полдня Майер провел, примеряя к письму известные ему остроты, но ничего путного не выходило. Молодой человек находился на грани отчаянья, когда к нему пришла спасительная мысль: «А почему ответ должен быть смешным? Что если добавить в него немного наглости – это ведь будет необычно для генерала?».

Решено. Надо писать «наглый» ответ. Но каждый раз, перечитывая очередной плод эпистолярного жанра, Майер сам пугался своей наглости. Он перечеркивал написанное и на чистом месте начинал заново.

К исходу дня родился вариант, который показался приемлемым новоявленному Ротшильду. Хотя, возможно, ему просто надоело переписывать. Письмо, которое получил генерал на следующий день, выглядело так:

«Ваше превосходительство!

С величайшим почтением ознакомился с Вашим предложением. Однако, как ни пытался, так и не понял значение слова «одна». Если хотя бы одно значение этого слова совпадало со значением слова «пять», я бы с радостью и немед-

ленно имел честь доставить Вам свою коллекцию. Но таких совпадений в немецком языке не обнаружилось. Поэтому с низжайшим почтением вынужден Вам отказать.

Майер Ротшильд».

Получив письмо, генерал сначала опешил. Потом он несколько раз перечитал послание, вникая в его смысл. Чем больше он вникал, тем больше чувствовал вскипающую внутри себя ярость.

«Да он же надо мной издевается, этот еврей! – бесился генерал, – он еще не знает, кого посмел оскорбить. Он думает, такая наглость сойдет ему с рук? Посмотрим».

Генерал приказал заложить экипаж, сунул в карман образец эпистолярной наглости и направился в замок своего юного друга Вильгельма, графа Ганау. Граф встретил генерала как обычно радушно:

– Карл! Ты как всегда вовремя. Я сижу и не знаю, чем заняться. Партию в шахматы?

– Почему бы и нет?

Они уселись за шахматный столик искусно сделанный из разных камней. Каждая клетка шахматного поля, выполненная из черного и белого оникса, сверкали особым блеском на матовой столешнице из серого мрамора. Шахматные фигуры, вырезанные из слоновой кости, изображали римских воинов.

– Сегодня твоя очередь играть черными, Карл?

– Моя, – безропотно согласился генерал.

Генерал, обычно хороший шахматист, сегодня играл плохо. По ходу первой партии он «зевнул» ладью, и граф сумел на размене фигурами довести партию до победы. Но генерала это не расстроило. Его расстраивало другое. Он никак не мог найти повода рассказать о наглом еврее, посмевавшем оскорбить немецкого аристократа.

– Еще партию, Карл? – в приподнятом расположении духа предложил принц.

– Можно и еще, – машинально ответил генерал, решив в этот раз перевести разговор в нужное ему русло.

Однако в его планы вмешался случай. В зал протиснулся лакей и, тихо скользя по паркету, подошел к своему хозяину с подносом в руках.

– Вам письмо, ваше высочество.

– От кого? – не глядя на лакея, обронил граф.

– От некоего Ротшильда.

– Оставь. Потом посмотрю.

Генерал дождался, пока лакей выйдет из зала, и с нетерпением произнес:

– Тебе обязательно нужно взглянуть на это письмо, Вили.

– Да? И почему же?

– Сначала прочти, потом расскажу.

Заинтригованный принц вскрыл письмо. Оно было коротким:

«Ваше Высочество!

Имею честь предложить Вам коллекцию монет в составе

(далее шло перечисление монет).

С нижайшим почтением, Майер Ротшильд».

Принц отложил письмо и разочарованно вернулся к начатой партии.

– Что скажешь, Вили? – генерал не мог скрыть своего нетерпения.

– Ничего. Этот человек – шарлатан. Судя по перечню, эта коллекция бесценна. Откуда у еврея такие монеты? Наверняка он в них ничего не понимает и выдает желаемое за действительное.

– А что ты скажешь на это? – генерал достал из кармана принесенное письмо и передал графу. Пока принц читал и вникал в смысл, генерал поведал ему всю историю переписки с Ротшильдом.

Дослушав генерала и еще раз перечитав письмо, граф расхохотался.

– Да, пожалуй, я изменю свое мнение, Карл, – просмеявшись произнес принц, – он не шарлатан. Он настоящий пройдоха! Я хочу его видеть.

Граф хлопнул в ладоши. Явившийся на вызов лакей, получил указание срочно привезти некоего Ротшильда из еврейского гетто в замок.

Майера привезли в замок в сопровождении двух солдат и одного унтер-офицера. Это его несказанно напугало. Такой способ доставки больше походил на арест, чем на приглашение. Тем не менее, он решил идти до конца.

Пока ждали «приглашенного» наглеца, молодой граф успел выиграть еще одну партию, а вторую собирался благополучно свести к ничьей. Во время игры генерал предложил владельческому князю наказать Ротшильда, а коллекцию монет конфисковать.

– Интересно, и за что я его должен наказать? За то, что он отказался тебе продать по бросовой цене бесценную коллекцию?

– Нет, конечно. Но за оскорбление высокопоставленного лица...

– Карл, перечитай письмо еще раз и найди в нем хоть слово оскорбления.

– Слова, может, и нет, зато какой тон!

– Прости, Карл, но тебя взбесил не тон, а отказ.

– Не отказ, а издевательская форма отказа.

– По мне, так она не очень-то и издевательская, – с улыбкой заключил граф, вспомнив, как его повеселила эта ситуация.

Появление молодого человека в сопровождении солдат вызвало неимоверное удивление у сидящих за шахматным столом господ. Они рассчитывали увидеть старого прожженного еврея с седыми волосами, а перед ними стоял юноша, ровесник графа, одетый по моде городских буржуа.

– Вы Майер Ротшильд? – с интересом спросил генерал.

– Да, ваше превосходительство.

– И вы прислали мне столь наглое письмо?

– Простите, ваше превосходительство, если мой неумелый стиль доставил вам хоть малейшее неудовольствие. Мной руководило лишь желание отказать вам в наиболее мягкой форме.

– Ха-ха-ха, как он тебя. Карл? – присоединился к диалогу принц, – ты еще настаиваешь на своем предложении?

– Ни на чем я не настаиваю, – буркнул генерал.

– Вы хотели предложить мне свою коллекцию, господин...?

– Ротшильд. Да, ваше высочество.

– И где же она?

– Она со мной, ваше высочество.

– Надеюсь, вы нам ее покажете?

– Да, ваше высочество, только мне придется немного раздеться.

Майер начал расстегивать пуговицы, но принц это занятие прервал:

– А вы не могли бы достать ваши монеты за дверь?

– Конечно, ваше высочество.

Когда Майер вышел, принц продолжил потешаться над плохим настроением своего друга.

– Не расстраивайся, Карл. Давай накажем его за то, что он попытался раздеться в присутствии высокопоставленных особ?

– Тебе смешно? А мне нет! Скажи, откуда у такого сосунка взялись эти монеты?

– Сейчас узнаем – настроение принцу мгновенно испортило слово «сосунок». Уж не считает, в таком случае, генерал и его сосунком?

Но появление в зале молодого еврея не позволило искре обиды превратиться в пламя.

По тому, как Ротшильд открыл дверь, граф определил в нем уверенного человека. Он не приоткрыл дверь, чтобы протиснуться в щелочку. Он открыл ее ровно настолько, чтобы прямо пройти сквозь проем. У уверенных в себе людей так получается само собой. Им даже не нужно упражняться.

Майер подошел к столу, держа в руках нечто, напоминающее пояс. Из кармашков, скрытых в поясе, он вынул одну за другой восемь монет и выложил их на стол. Завершив процедуру, он сделал шаг назад, предоставляя полюбоваться сокровищем.

Граф Ганау подошел к столу, генерал изобразил безразличие и остался на месте.

– Это действительно флорин Эдуарда Третьего, – задумчиво проговорил принц.

Остальные монеты он даже рассматривать не стал: они все вместе не стоят этой одной. Насколько он знал, последний раз такая монета выходила в свет лет десять назад. Тогда она была продана за двадцать пять тысяч талеров. Если этот Ротшильд предложит купить ее за пять тысяч, даже торговаться нет смысла.

– Сколько вы хотите за свою коллекцию, господин Рот-

шилдь?

Майер даже вздрогнул от неожиданности. Именно эту фразу слово в слово он неоднократно представлял произнесенной устами принца. Именно на нее у него было заготовлено несколько ответов. Но сейчас он с ужасом понял, что все заготовки вылетели из головы.

– Я не... если бы я мог служить вашему высочеству, то для меня большая честь не брать с вас платы...

– Ты хочешь отдать мне свою коллекцию даром? – вырвалось у графа.

Мысли Майера закрутились в бешеной пляске. Если он сейчас начнет ставить условия, то все испортит. Граф ждет ясного ответа. И он его получит.

– Да, ваше высочество. Взамен я только прошу соизволения вывесить на своем доме табличку: «Поставщик двора его высочества принца Гессена, графа Ганау».

– На это вы получаете мое высочайшее соизволение, – торжественно провозгласил принц, – не смею вас больше задерживать.

Граф не мог дожидаться, когда Ротшилдь покинет зал. Как только двери за неудачливым нумизматом закрылись, Вильгельм захохотал.

– Это самый удачный день в моей жизни, Карл, – сквозь смех и слезы говорил граф. – Ну, кто сказал, что евреи хитрые и алчные? Они же бескорыстные, Карл. Коллекцию, которая стоит тридцать тысяч талеров, он отдал за возмож-

ность повесить на своем доме какую-то табличку.

И граф вновь заливисто засмеялся.

– Не понимаю, я твоего веселья, Вилли, – позволив вволю насмеяться другу, заговорил генерал, – разве ты не видишь, что он появился неспроста. Откуда у него эта коллекция? Ты так и не спросил.

– Какая теперь разница, Карл? Коллекция у меня! И без всяких обязательств перед ее прежним обладателем. Ты можешь себе представить более страшное наказание для еврея, чем осознание, что его провели? Я – нет. Думаю, ты отмщен.

Майер расслышал хохот принца, покидая приемную. Он никого не винил. Только себя. Ну, как же так! Он с таким трудом добился аудиенции, вывел принца на нужный вопрос, а когда осталось произнести заготовленный ответ, сконфузился.

Что ж, переживай, не переживай, а дело не ждет. Майер заказал табличку с надписью: «Поставщик двора его высочества принца Гессена, графа Ганау, Майер Ротшильд». Когда табличку изготовили, он повесил ее на стене дома и ... открыл меняльную лавку. Табличка сыграла свою роль. Путешественники, меняющие свои монеты на местные, относились к ней с большим доверием. Дело молодого Ротшильда начало приносить небольшой доход. Но не об этом мечтал Майер.

Для многих людей мечта – это только приятные грезы. Но не для Ротшильда. Он привык действовать. Из своих много-

численных племянников он создал настоящую шпионскую сеть. Они целыми днями крутились в гетто между придворными евреями, а вечером пересказывали своему дяде все, что слышали. Иногда, среди всякой шелухи, попадались и ценные сведения. Их Майер записывал и тщательно анализировал. Материалы накапливались, и вскоре Ротшильд оказался в курсе дел графа Ганау больше, чем он сам. Теперь воплощение мечты – стать «придворным фактором» – лишь дело времени.

Глава 2. Остров свободы

Прохладным октябрьским днем 1763 года с борта торгового парусника на пристань корсиканского города Аяччо, сошел недавний студент, а теперь дипломированный юрист Карло Буонапарте. Высокий русоволосый красавец сразу попал под обстрел десятков пар глаз юных корсиканок. Да что там юных, и средних лет матроны, украдкой от стоящих рядом мужей, бросали взгляд на земное воплощение Аполлона.

Карло знал, какое впечатление он производит на женщин. Он гордился своими победами над юными и не очень юными прелестницами Пизы. По правде говоря, за три года учебы лишь три особы пленились его красотой настолько, что пожертвовали своей честью. Но сейчас он ощущал себя прожженным ловеласом. Изобразив на лице снисходительную улыбку, он, не обращая внимания на женскую «артиллерию», прошествовал по направлению к дому своих родителей.

– Карло! – мать первой узнала в возмужавшем красавце своего «мальчика», – ты вернулся!

– Добрый день, мама, а где отец?

– Дома, где ему еще быть? Джузеппе! – громко крикнула она, привлекая внимание мужа.

– Чего, опять «Джузеппе»? – ворча и подслеповато морща глаза, вышел из дому отец, – а, Карло вернулся. Дай-ка я на тебя посмотрю. Красавец. Ну, просто франт. Надеюсь, ты и знаниям уделял немного времени?

– Хватит тебе, Джузеппе! – накинулась на него жена, – дай отдохнуть мальчику с дороги, а потом приставай со своими вопросами.

Карло с умилением смотрел на своих родителей и думал, как же он рад вернуться домой.

Обычные хлопоты, посвященные его возвращению в родные пенаты, длились до позднего вечера. Только на следующий день Карлу удалось пообщаться с отцом наедине.

– Когда собираешься приступить к работе? – первым заговорил отец.

– Знаешь, папа, сейчас не время заниматься юридической практикой.

– Как это не время? Что это за время, когда не нужен поверенный?

– Я не это хотел сказать. Я хотел сказать, что сейчас выгодно заняться политикой.

– Что за политика, Карло! – не сдержав эмоций, повысил голос отец, – ты хочешь бегать по лесам с ружьем, как этот Паоли?

– Какой Паоли, папа?

– Да есть тут один деятель. Все добивается независимости Корсики. А от чего независимость, зачем независимость?

– А ты знаешь, папа, какое слово сейчас чаще всего повторяют в Европе?

– Ну, и какое?

– Свобода!

На самом деле, Карло не знал и не мог знать, «какое слово сейчас чаще всего повторяют в Европе». Во-первых, никто не вел такой статистики. Во-вторых, Карло нигде не был в Европе, кроме Пизы. В-третьих, он никогда не говорил о политике со знакомыми пизанцами.

Фразу, которой Карло решил поразить отца, он позаимствовал у своего парижского одноклассника. Тот слыл в студенческой среде бунтовщиком и борцом за свободу. Подкреплял такое мнение о себе он тем, что давал почитать всем подряд, запрещенный во Франции «Общественный договор» Жан Жака Руссо. Давал тайно, под большим секретом. Его нисколько не смущало, что в итальянской Пизе запрета на эту книгу не было.

– Ох, сын, не доведет до добра эта свобода.

– Напротив, папа! Свобода означает жить по законам, а не по прихоти королей. Если законы напишут сами люди или их представители, то и исполнять такие законы будет не в тягость.

– Где это ты видел, чтобы люди сами законы писали?

– Я же сказал: «или их представители». А кто будет их представителями? Правильно, мы, юристы. Ты представляешь, папа, какие перспективы нас ожидают?

– Насколько я знаю историю, все эти перспективы оканчиваются плахой.

– Ладно, папа. Не хочу с тобой спорить. Скажи лучше, как найти этого Паоло?

– Паоли. Да он не сидит на одном месте. Но чаще всего бывает в Корте.

– Мне нужно туда съездить. Не знаешь, где можно раздобыть карету?

– Карету? Я начинаю сомневаться, что ты корсиканец.

– Прости, папа, я и вправду отвык от островных обычаев.

На следующий день Карло гарцевал на коротконогом кау-ром жеребце по дороге в Корте. При въезде в город его остановили двое вооруженных ружьями корсиканцев.

– Куда собрался, стронцо? – взяв коня под уздцы, не совсем вежливо осведомился старший из них.

– По какому праву вы меня оскорбляете? – возмутился Карло.

– Тебя оскорбили? Надо же! Ну, так сойди с коня и смой кровью это оскорбление.

– Некогда мне с вами разговаривать. Я ищу Паоло.

– Паоло? Ну, это совсем другое дело. Тогда давай, слезай с коня и иди прямо по этой дороге. Дойдешь до большой площади – там спросишь.

– А зачем с коня слезать?

– Как зачем? У нас в городе верхом ездить запрещено!

– Но... как я получу коня обратно?

– Не волнуйся, – засмеялся старший, – будешь выходить из города, заберешь своего коня.

«Странные порядки, – думал Карло, слезая со своего каурога. – Все-таки законы должны быть разумными, а не такими, как кому в голову взбредет. Надо обязательно сказать об этом Паоло».

Пока Карло шел по узким улочкам в сторону площади, ему встретились несколько всадников. Это уже не лезло ни в какие рамки. Сами придумывают дурацкие законы, и сами же их нарушают.

На площади было пусто. Зато в тени домов сидели, стояли и лежали вооруженные люди, в основном, мужчины, но на глаза Карло попались и несколько женщин. Выйдя на середину площади, Карло собрался громко выкрикнуть свой вопрос. Он уже набрал полную грудь воздуха, но потом передумал: уж слишком дерзко это будет выглядеть. Карло выдохнул, подошел к небольшой группе стоящих мужчин и спросил, не помогут ли ему достопочтимые горожане найти некоего Паоло.

Достопочтимые горожане странно восприняли его вопрос. Двое из них схватили Карло под руки, а третий, наставив на него ружье, зловеще произнес:

– Вперед!

Карло притащили в какой-то дом. За столом сидел темноволосый, с проблесками седины, коренастый мужчина лет сорока. На столе перед ним лежал чистый лист бумаги и пе-

ро. Недовольный взгляд, брошенный на вошедших горожан, говорил, что его оторвали от важных дел.

– Вот, генерал, шпиона поймали! – радостно сообщил конвоир с ружьем.

– Да никакой я не шпион! – испуганно воскликнул пленник.

– С чего вы решили, что он шпион? – задал вопрос тот, кого называли «генерал».

– Вы посмотрите, какой он длинный. Чисто француз! И он спрашивал какого-то Паоло.

– Отпустите его.

– Но, генерал...

– Отпустите и идите. Шпион бы спросил Паоли.

Горожане, недовольные тем, что сорвалось вознаграждение за поимку шпиона, с ворчанием удалились. Когда за ними закрылась дверь, генерал пристально взглянул на освобожденного пленника и спросил:

– Кто вы и зачем меня искали?

– Я Карло Буонапарте. Недавно окончил юридический факультет университета в Пизе. А вас искал потому, что хотел оказаться полезным в борьбе за свободу.

– Вот как! И чем вы собирались помочь в нашей борьбе?

– Понимаете, свобода – это законы. А кто напишет правильные законы? Только юристы.

– Выходит, без тебя нам не обойтись?

– Конечно, нет, генерал! Ну, посудите сами, что это за за-

кон, который запрещает езду верхом в городе?

— Действительно, дурацкий закон. А где ты о таком слышал?

— Как где, генерал? У вас!

Генерал откинулся на спинку стула и с интересом посмотрел на Карло, как будто только что его увидел.

— У тебя что, коня забрали?

— Я сам отдал. Я не нарушаю законов.

— Откуда ты такой взялся?

— Я из Аяччо.

Паоли поднялся со своего места и, прихрамывая, прошел мимо своего собеседника к двери. Открыв дверь, он крикнул: «Чезаре!». На оклик к нему подскочил широкоплечий горожанин с двумя пистолетами за поясом.

— Чезаре, кто у нас в карауле на дороге из Аяччо?

— Там Джузеппе и Паулино.

— Скажи им, пусть приведут сюда коня. И если они еще хоть раз так пошутят, я им руки оборву.

— А что за конь, генерал?

— Они знают.

Возвращаясь на свое место, Паоли с улыбкой на лице заговорил:

— Значит, ты собираешься бороться за свободу, Карло Буонапарте из Аяччо?

— Да, генерал. Я уже сказал и не изменю своего решения.

— Похвально. Тогда вот что. У нас есть Конституция, но

она состоит из разрозненных частей, какие-то статьи криво сформулированы. Возьмешься привести все в порядок и составить цельный текст?

– О лучшем я и мечтать не мог!

Так вчерашний студент получил свою первую работу. К удивлению генерала, Карло взялся за работу с необычайным рвением. Он зарылся в бумагах и почти не покидал канцелярию. Его, буквально, силой приходилось заставлять пообедать. На целый месяц Карло отрекся от всех земных радостей и погрузился в мир правовых форм и юридических закорючек.

Зато, когда он поставил последнюю точку, то мог с гордостью представить Паскалю Паоли результат своего труда. Генерал лично посвятил полдня прочтению текста. Мало сказать, что он был приятно удивлен. Паоли показался поразительным контраст между четким и ясным изложением статей и тем характером автора, которое тот явил при первой встрече. Видимо он тогда ошибся в молодом человеке. Что ж, ошибки никогда не поздно исправить.

– Превосходно, Карло! Вот все, что я могу сказать, – заявил генерал улыбающемуся юристу. – Ты заслужил право стать моим помощником.

– Благодарю вас, генерал, от всего сердца. Я вас не подведу. Какое у меня будет следующее задание?

– Пока никакого, – генерал и сам не знал, чем загрузить своего помощника, – я даю тебе отпуск на месяц. Съезди

домой, отдохни. Вернешься – получишь новое задание.

– Благодарю, генерал.

Как только Карло услышал про отпуск, он тут же представил свое триумфальное возвращение домой. Еще недавно он покинул дом бедным бывшим студентом, а возвращается главным помощником самого Паскаля Паоли. А кто такой Паоли? Генерал! Тогда, кто его помощник? Как минимум, капитан. Да, он стал капитаном!

По дороге Карло, как мог, подгонял своего каурого, но тот или не понимал команд «капитана» или вообще не умел быстро бегать. Да что там быстро, просто бегать. Конь шел всю дорогу размеренным шагом, не обращая внимания на попытки седока его пришпорить.

Солнце уже перевалило за полдень, когда самопровозглашенный капитан прибыл домой. Он, не мешкая, принялся рассказывать родным о своих успехах. Как это водится у молодых людей, он совсем немного их приукрасил, но и этого оказалось достаточно, чтобы по городу поползли слухи. Говорили, что теперь Аяччо находится в надежных руках, что молодой Буонапарте, правая рука самого Паскаля Паоли, никому не даст жителей в обиду, что генерал лично присвоил «нашему Карло» чин капитана.

С семьей Буонапарте захотели породниться все знатные семьи славного города Аяччо. Еще месяц назад родители Карло согласились бы свататься к любой из этих фамилий, но не сейчас. Сейчас их сын – лакомый кусочек – и он до-

стоин только самой выгодной партии.

По всему выходило, что самая выгодная невеста Аяччо — юная Летиция Рамолино. Во-первых, она красавица. Во-вторых, ее рано умерший отец завещал своей единственной дочери имение с оливковой рощей, виноградником и кучей денег в придачу. Сколько точно денег не известно, но говорят больше ста тысяч франков. Это невообразимая сумма. Пока всем этим богатством управляет матушка Летиции, синьора Анжела, но после свадьбы все достанется Карло. Ведь Летиции только через несколько дней исполнится четырнадцать лет.

Сватовство, которое затеяли родители, не нравилось Карло. Какая женитьба, когда его ждут великие дела? Он за месяц стал первым помощником генерала республики. Через год он уже мог бы стать премьер-министром.

Скрепя сердце, и чтобы не расстроить родителей, Карло согласился отправиться вместе с ними на смотрины невесты.

Сеньора Анжела ди Пьетро приняла их в своем имении. Она ни одним намеком не дала семье Буонапарте почувствовать разницу в их происхождении. Обе стороны вели себя в лучших традициях итальянского сватовства. Лишь Карло безучастно смотрел на все происходящее. Он «умирал» со скуки и не мог дождаться окончания этого нудного спектакля.

Так было до момента, пока не появилась Летиция. И мир вокруг изменился. Вернее, он вовсе перестал существовать.

Его рамки сузились до размеров, в которые помещалась только она – прелестное создание, скромно стоящее рядом со своей матерью. Карло не мог оторвать взгляда от юной девушки. Какие великие дела? Какая свобода? Нет, конечно, все это будет, но потом. А пока вот оно – его счастье.

Почему действо итальянского сватовства такое короткое? Не успели прийти, уже надо уходить. Родители встали, прощаются, а он еще не насмотрелся на свою избранницу. Отец трогает его за рукав. Пора. Он, как во сне, встает и плетется за родителями.

Когда Буонапарты покинули имение, синьора Анжела ласково взглянула на дочку.

– Ну, что скажешь, Летиция?

– Мама, он такой красавчик!

После свадьбы Карло был вне себя от счастья. Летиция отдалась ему со всей непосредственностью четырнадцатилетнего ребенка. Отдалась не только в физическом смысле. Ее муж стал для нее героем. Она заслушивалась его рассказами, как он появился в лагере генерала Паоли, как поразил всех своей храбростью. Особенно ей нравилось место, где ее муж вышел на средину площади и громко крикнул: «Кто тут Паули?!» и толпа сначала опешила, а потом на руках внесла его к генералу.

Карло же был в восторге от своей благодарной слушательницы. Он готов был и дальше описывать свои подвиги, придумывать новые, а старые опутывать дополнительными подробностями. Но в еще большем восторге он был от состояния счета, который его теща, синьора Анжела, передала ему в регентство. На счете оказалось больше ста семидесяти тысяч франков. Этого хватит и на образование будущим детям и на безбедную жизнь. Зачем ему, в таком случае, работать помощником у какого-то генерала? Он сам теперь может нанять любого генерала к себе в помощники. Решено. Завтра надо ехать в Корте и отказываться от должности.

Однако назавтра уехать не получилось. Ночью умер отец. Похороны, траурные мероприятия и подавленное настроение отсрочили поездку в лагерь на целый месяц. Долгие раздумья привели Карло к мысли, что надо продолжить дело отца. Он бы этого хотел. Надо только съездить к Паоли, рассказать об изменившихся обстоятельствах и попросить отставки.

– Летиция, я завтра выезжаю к генералу, – поведал он жене о своем решении.

– Так скоро? Я думала, мы еще побудем вдвоем.

– Ты не поняла, Летиция. Я еду к генералу, чтобы получить отставку.

– О, Карло! После этого мы всегда будем вместе?

– Конечно, моя милая Летиция.

Дорога в Корте в этот раз не казалась утомительной. Те-

перь у Карла была неплохая конюшня, в которой он выбрал для себя гнедого красавца-жеребца. Этот конь мгновенно откликался на любое желание седока скакать быстрее. Три часа ему понадобилось, чтобы доставить своего хозяина к резиденции генерала Паоли.

Не успел Карло переступить порог, как генерал с грустным выражением лица вышел из-за стола и обнял своего помощника.

– Заходи Карло. Ты мне нужен. Садись, пиши.

– Генерал, я...

– Да все я знаю. Отец умер. Что ж, сочувствую. Женился – одобряю, отхватил красавицу Рамолино – одобряю вдвойне. Но сейчас не время скорбеть и прятаться за женской юбкой. Корсика в опасности. Генуэзцы заключили с французами соглашение, и те собираются ввести на остров войска.

– Что писать, генерал?

– Пиши: Ваше превосходительство! Корсиканская Республика была и остается искренней союзницей Франции. В наши намерения не входило менять это положение, хотя к этому нас склоняют некоторые представители Англии. Однако до нас дошли сведения, что Франция собирается ввести войска на территорию острова, нарушив тем самым суверенитет Корсиканской Республики. Прошу ваше превосходительство воздержаться от этого намерения. С искренним уважением, генерал Корсиканской Республики Паскаль Паоли. Написал?

– Написал, генерал. Кому подписать.

– Подпиши: Его превосходительству, министру иностранных дел Франции, герцогу де Шуазелю.

– Готово, генерал.

– Хорошо. Дай я подпишу. Потом запечатаешь и повезешь в Париж.

– В Париж?!

– А что тебя удивляет? Ты же моя «правая рука».

– Я не...

– Да не волнуйся. Передашь письмо Маттео Буттафоко, нашему посланнику в Париже, дождешься ответа и вернешься.

– Когда я должен отправляться, генерал? – Карло встал и вытянулся во весь рост.

– Да прямо сейчас и отправляйся. И еще. Ты ведь теперь богат, а у нас в казне совсем нет денег. Тебе придется ехать за свой счет. И учти, Париж – город дорогой.

Вечером этого же дня усталый молодой муж упал в объятия своей юной жены.

– Как я счастлива, Карло, что теперь мы навсегда вместе!

– Я не получил отставки, Летиция.

– Но почему, Карло? Ты же обещал!

– Понимаешь, Летиция, сейчас не время прятаться за женской юбкой. Корсика в опасности. Генуэзцы заключили с французами соглашение, и те собираются ввести на остров войска. Если я сейчас не уеду и не улажу дела с Шуазелем,

французы захватят остров. Ты же этого не хочешь?

– Нет, конечно! Карло, а кто такой, этот Шуазель?

– Это министр иностранных дел Франции.

– И он с тобой будет говорить?!

– А что тут такого? Он – министр Франции, я – почти министр Корсики. Мы с ним равны.

– О, Карло, ты мой герой!

Париж. Раньше Карло считал Пизу большим городом. Он слушал рассказы своего парижского однокашника о том, что Париж намного больше и красивей Пизы, и не верил ему. Ну, может, чуть побольше, чуть покрасивее, но уж не настолько, чтоб так восхищаться. Понятно же, все хвалят родные края. Он так думал, но Париж разбил все прежние представления молодого корсиканского «дипломата» о красоте и величии города.

За две недели тряски в почтовой карете от Марселя до Парижа, Карло физически, задним местом ощутил, насколько велика Франция. Он вспомнил, какое грозное письмо написал его патрон французскому министру и засомневался, что его миссия будет удачной. Ладно. От него, в любом случае, ничего не зависит.

Найти корсиканского посланника в Париже оказалось не так уж и сложно. Маттео Буттафоко взял письмо и сообщил,

что передать Шуазелю сможет его не скоро. Карлу он посоветовал снять недорогую комнату в доходном доме и дал несколько полезных наставлений.

– Самое главное, – завершил он, – вы постоянно должны находиться в состоянии готовности быть представленным светскому обществу.

– Что это означает? – удивленно уточнил Карло.

– И все, и ничего. Исходите из того, что ошибок здесь не прощают и вторых попыток не дают.

– Но как я должен себя вести?

– Рецептов нет. Смотрите по обстоятельствам. Одни завоевывают парижское общество за счет наглости, другие – за счет скромности. Одни вызывают восхищение своим умом, другие прославляются глупостью.

– Это слишком сложно для меня. А мне обязательно нужно выходить в свет?

– Нет, не обязательно. Но ведь со скуки умрете за три месяца.

– Три месяца?!

– Это в лучшем случае.

Три дня Карло провел в страхе. Ему мерещились картины невероятного унижения в светском обществе, которому его подвергнут за небольшую оплошность. То его с позором изгоняли под крики «вон отсюда», то над ним смеялись, показывая пальцами, то презрительно отворачивались, отрезая ему возможность заговорить.

Когда на четвертый день Маттео заехал за «юным другом», то нашел его в подавленном состоянии.

– Я никуда не поеду, – заявил Карло.

– Бросьте, мой юный друг. Если вы сейчас откажитесь, никогда себе не простите. Поверьте, сожалеть о своих ошибках приятнее, чем жалеть о том, чего вы не сделали.

– Куда мы едем? – спросил Карло уже в карете.

– Шуазель устраивает прием посланников. Обычно там бывают хозяйки всех парижских салонов. Просто идеальная возможность для вас.

– А вы вручите послание министру?

– Безусловно.

– Тогда моя миссия закончится раньше?

– Нет. Сегодня Шуазель только примет письмо. Когда он его прочтет, а тем более, когда даст ответ – одному богу известно.

Опасения Карло Буонапарте оказались совершенно напрасными. Парижский свет просто не мог пропустить такого красавца, да еще и посланника с экзотического «острова свободы». Красавчик Шарль, как его называли в Париже, стал желанным гостем всех парижских салонов.

Однажды на приеме, устроенном мадам д'Эпине, Шарль, как обычно, блистал в обществе дам рассказами о своих подвигах. Дамы весело хохотали. Многие не первый раз слушали рассказы молодого корсиканца и прекрасно видели, как его «подвиги» обрастают все новыми и новыми подроб-

ностями. Это им и нравилось. Сочинительство приветствовалось в парижских салонах. Напротив, правдивые, рассказы с сухими фактами, вызывали скуку и отвращение.

Увлечшись своим повествованием, Шарль не заметил, как к их тесному кружку подошла хозяйка салона в сопровождении пожилого человека.

– Дамы, – властно сказала она, – я уведу у вас ненадолго вашего неугомимого рассказчика.

Она взяла молодого посланника под руку, и они втроем отправились искать пустой уголок в зале, где можно без помех поговорить.

– Мсье Бонапарт, – начала разговор мадам д'Эпине, – вы не знакомы с мсье Руссо? Он только что инкогнито вернулся из Англии и, как только узнал о корсиканском посланнике, сразу возжелал с вами познакомиться.

– Мсье Жан-Жак Руссо?! – Шарль остановился, как вкопанный, чем вызвал улыбку хозяйки и ее спутника.

– Собственной персоной, – продолжая улыбаться, произнес Руссо, – а вы тот самый Шарль Бонапарт, правая рука Паскаля Паоли?

– Да, это я.

– Ну, не буду вам мешать, – привычно обронила хозяйка и удалилась.

– Мсье Бонапарт, это правда, что вы участвовали в написании конституции Корсики? – задал интересующий его вопрос Руссо.

– Я ее написал самолично, но только благодаря вашим идеям, мсье Руссо.

– Вот как? И где же вы их почерпнули?

– Я читал ваш «Общественный договор» еще в Пизанском университете.

– Да, да. Выходит, его не весь сожгли... и, все-таки, расскажите, что лежит в основе вашей конституции?

Это был звездный час Шарля Бонапарта. Он принялся увлеченно рассказывать всю последовательность своей работы над переписыванием конституции. Слово «переписывание» он, естественно, ни разу не упомянул.

Шарль так увлекся рассказом, что даже не заметил, когда собеседник стал терять к нему интерес. Зато он заметил другое. Вниманием общества завладел только что вошедший человек заурядной наружности. Невысокий, смуглолицый, он собрал вокруг себя всех, кто несколько мгновений назад праздно шатался по залу.

«Автор» корсиканской конституции приближался к завершению своего рассказа, когда Смуглолицый оставил разочарованную публику и направился прямо к ним.

– Таким образом, – подвел итог «лекции» Шарль, – у нас теперь есть все атрибуты республиканской государственности: конституция, флаг, гимн, армия и даже деньги.

– Мсье Руссо? Вот кого я не ожидал здесь увидеть. Вы же должны быть в Англии, – подойдя к двум собеседникам, произнес Смуглолицый.

– И вы меня упрекаете? Это вы, граф ввергли меня во все эти неприятности, а теперь спрашиваете, почему я не в Англии? Да не могу я там жить среди этих чопорных англичан. Они думают одно, говорят другое, а делают третье.

– Ну, полноте, мсье Руссо. Вам всего то нужно было потерпеть еще года три.

– Не хочу я больше терпеть! Пусть меня арестовывают.

– Давайте так. Вы отправитесь к моим хорошим друзьям в Пруссию. Поживете на природе. Вы ведь любите природу? А через три года вернетесь к своей привычной жизни.

– Хорошо, граф, я поверю вам в последний раз.

– Ну, вот и договорились! А вы не представите меня вашему собеседнику?

– Мсье Бонапарт, разрешите представить вам графа Сен-Жермен. Мсье граф, разрешите представить вам Шарля Бонапарта, посланника Корсики, – произнес известный философ.

– Мсье Бонапарт, я невольно услышал вашу фразу. Вы упомянули о деньгах Корсики.

– Совершенно верно, мсье граф.

– Вы имеете в виду, что ваше Правительство чеканит свои монеты?

– Это так, мсье граф, – уже не так уверенно подтвердил Шарль.

– А из чего вы их производите?

– Очевидно, что из золота и серебра.

– Очевидно. Только откуда на Корсике золото и серебро?

– Кхм... – Шарль растерялся. Действительно, откуда? Но он сам видел отчеканенную монету с изображением мавра на аверсе! Значит, золото на Корсике есть. И он нашел единственно правдивый ответ. – Этого я не могу сказать.

– Государственная тайна?

– Да, да, – обрадовано подхватил Шарль брошенную соломинку, – государственная тайна.

– Что ж, никуда не уходите, мсье Бонапарт. Мне интересно с вами поговорить. А пока я украду у вас мсье Руссо.

Сен-Жермен взял Руссо под руку и повел в другой конец зала. Там он представил философа своим друзьям из Пруссии и попросил приютить его на неопределенное время. Те с радостью согласились: не у каждого в замке гостит мировая знаменитость. После этого они немного поболтали на отвлеченные темы, и граф вернулся к скучающему Шарлю.

– Скажите, мсье Бонапарт, вы женаты?

– О, да! И моя жена...

Шарль в течение пяти минут расписывал прелести Летиции. Граф слушал, улыбался, а когда рассказчик в очередной раз набрал полную грудь воздуха, спросил:

– Вы говорите, ваша жена из знатного рода. Наверное, и ваши родители дворянского происхождения?

– О, да...

Шарль принялся во всех подробностях излагать историю своей семьи.

– Простите, – едва дождавшись паузы, сумел остановить этот поток информации Сен-Жермен, – а не ходят ли в вашем роду легенды о каких-нибудь древних шахтах или лабиринтах на острове?

– Ничего похожего не могу припомнить, мсье граф.

– Ну, что ж... а вы не скучаете по своей юной жене? – сменил тему Сен-Жермен.

– Скучаю. Очень сильно скучаю.

– Тогда я могу вам помочь. Я могу ускорить ответ герцога Шуазеля вашему патрону. Таким образом, вы сможете уже через месяц обнять свою Летицию.

– Это было бы...

У Шарля чуть было не вырвалось слово «превосходно», но он вовремя спохватился. Получишь письмо, и прощай Париж. А он только-только начал осваивать премудрости светской жизни. Корсика подождет.

– Это было бы невежливо с моей стороны утруждать вас, мсье граф.

– Да, ерунда. Для меня это ничего не стоит.

– Я настаиваю, мсье граф.

– Ну, как хотите.

Сен-Жермен кивнул молодому посланнику и, не прощаясь с остальными, направился к выходу. Выйдя из здания, он сел в поданную к подъезду карету, кинув на ходу: «Особняк графа де Марбо».

Граф де Марбо принял Сен-Жермена в кабинете. Когда

за слугой, сопровождавшим гостя, закрылась дверь, Марбо склонил голову и произнес:

– Чем могу служить, мессир?

– Вы уже получили приказ об экспедиции на Корсику?

– Да, сегодня.

– Когда будете там, узнайте для меня: на самом ли деле Паоли чеканит свою монету, и, если да, то где он берет золото?

– Будет сделано, мессир.

Гость вытянул вперед руку, на пальце которой виднелось массивное золотое кольцо с отчеканенным крестом. Марбо подошел и в почтительном поклоне поцеловал кольцо. «Посвященный рыцарь» не мог поступить иначе, ведь это кольцо его духовного наставника – Великого Магистра ордена тамплиеров.

В середине ноября Карло Буонапарте получил письменный ответ Шуазеля и в начале декабря вернулся в Аяччо. Едва завидев мужа, юная жена бросилась ему на шею:

– Как же я скучала, Карло! Почему ты так долго?

– Это не долго, Летиция. Другие посланники сидят там по полгода. Только моя настойчивость вынудила Шуазеля поспешить.

– Он с тобой разговаривал?

– Да я с ним каждый день встречался.

– О чем можно говорить каждый день?

– Ну... о многом. В основном о независимости Корсики.

– И о чем договорились? Он пошлет солдат на остров?

– Знаешь, он мне так и не сказал. Сказал, что напишет все

в личном послании Паскалю.

– Ну ладно... Как там Париж?

– А что Париж? Париж, как Париж, ничего особенного.

Да я его толком и не видел. Из дома в канцелярию, из канцелярии домой, и так каждый день.

– А ты там... никакую..., – девушка замолчала, подбирая нужные слова.

– Что «никакую», Летиция?

– Нет, ничего. Теперь ты можешь получить отставку?

– Думаю, да.

На следующий день Карло доставил послание Шуазеля генералу Паоли.

– О, Карло! Быстро ты. Не ожидал. Ну, давай, посмотрим, что нам написал этот интриган.

Читая послание, Паоли старался не проявлять эмоций, и Карло не мог догадаться, плохую он весть принес или хорошую.

– Ты послушай, что он пишет: «Дорогой друг!». Ты понял? Я ему: «Ваше превосходительство», а он мне – «дорогой друг»! Каков каналья, а? Ладно, читаем дальше: «наше намерение направить французские войска в некоторые при-

брежные города острова Корсика не являются покушением на суверенитет, а лишь имеет притязания защитить граждан острова от посягательств Генуэзской республики». Понимаешь, о чем тут речь?

– Думаю, да. Он говорит, что французы будут защищать нас от генуэзцев.

– Нас не нужно защищать от генуэзцев! Это генуэзцев нужно защищать от нас. И эти торгаши думают, что французы придут из-за них.

– А на самом деле зачем? – начал проявлять интерес Карло.

– На самом деле они сначала устроят здесь плацдарм, а потом захватят весь остров.

– Что же делать, генерал?

– Сначала сделаем вид, что мы им поверили, а сами начнем готовиться к войне. Я давно хотел спросить, Карло, ведь ты управляешь наследством Летиции?

– Да, до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать лет.

– Для войны нам понадобятся деньги. У меня есть к тебе выгодное предложение. Ты мне сейчас доверяешь все, что у нее есть на счете. Сколько там, кстати?

– Сто семьдесят тысяч франков.

– Вот. Ты мне даешь сто семьдесят тысяч, а я тебе после победы их возвращаю и еще выплачиваю дополнительно пятьдесят процентов. В итоге ты получишь... – генерал поднял глаза к потолку, пытаясь там найти помощь в подсче-

тах, – намного больше. Что ты на это скажешь?

– Не знаю. Летиция может не согласиться.

– А зачем ей говорить? Пусть для нее это будет сюрпризом. Представляешь, она рассчитывает увидеть сто семьдесят тысяч, а на счете уже двести с лишним! Как ты думаешь, она обрадуется?

– Думаю, да.

– Ну, вот! Значит, договорились?

– Договорились.

Летиция ждала возвращения своего Карло. Она была на четвертом месяце беременности и хотела, чтобы ее муж постоянно находился рядом. У нее часто возникало чувство тревоги, которое кто-то должен развеять. Мать Летиции все время уделяла своей новой семье, в которой тоже были дети. Летицию она справедливо считала устроенной. Четырнадцатилетняя беременная девочка могла найти опору только в муже.

На сегодняшний вечер Летиция возлагала большие надежды. Карло выполнил свой долг перед Корсикой, теперь он должен выполнить свой долг перед ней. Поэтому первый вопрос, который она задала мужу по его возвращению, был естественным:

– Карло, ты получил отставку?

– Летиция! Что ты говоришь? Какая отставка? Французы вот-вот высадутся на Корсике. Война только начинается.

– Пусть начинается. Пусть этот Паоли воюет. Тебе это за-

чем? Хочешь, чтобы тебя убили? Как я тогда проживу одна с ребенком?

– С ребенком?

– А ты разве не видишь? Летом у нас будет ребенок.

Прошло три года. Карло так и не взял отставку. Французы, простояв два года в Аяччо, покинули город. Говорят, они ушли в Бастию. Паскаль Паоли стал, практически, полноправным хозяином острова. Карло решил, что самое время поговорить с ним о деньгах.

– Генерал, Летиции скоро исполнится восемнадцать лет.

– Поздравляю.

– Да я не об этом. Помните, я отдал вам деньги с условием, что вы мне вернете?

– Деньги? Какие деньги?

– ? – немой вопрос помощника выражал такой неподдельный ужас, что генерал расхохотался.

– Ха-ха-ха. Я пошутил. Конечно, я помню про деньги. Но мы как договаривались? После победы.

– Победы над кем? Остров, практически, весь наш.

– Именно, что практически. А гарнизон в Бастии? Нет, Карло, до победы еще далеко.

– Но, если Летиция узнает, что ее счет пуст, она меня убьет.

– Давай сделаем так. Вы с Летицией переедете в Кортэ. Подыщем вам хороший домик. Здесь она и не вспомнит про свой счет в банке. А если и вспомнит, до Аяччо еще добратся надо. Как тебе план?

– Я не знаю, согласится ли она.

– Уговори. Ты же сам жаловался, что она хочет держать тебя при себе. Вот и будешь при ней. Я тебя даже с работой разгружу.

За три предыдущих года Летиция родила троих мертвых детей. Забеременев в четвертый раз, она выдвинула мужу ультиматум: или он постоянно находится дома до рождения ребенка, или она прекращает попытки родить от него. Генерал подсказал своему помощнику прекрасный, во всех отношениях, выход. Окрыленный найденным решением, Карло мчался домой во весь опор.

Бросив коня у ворот, он вбежал в дом и радостно воскликнул:

– Летиция! Мы едем в Кортэ!

– Зачем?

– Мы там будем жить!

– Не собираюсь я жить в Кортэ.

– Но, Летиция, ты же сама хотела, чтобы я всегда был с тобой. Вот там я и буду каждый день дома.

– Ты все равно каждый день будешь на службе.

– Генерал обещал разгрузить меня.

– А где мы будем жить?

– Генерал обещал подыскать хороший домик.

– Генерал, генерал. У тебя на уме только генерал.

– Ну, так что, Летиция?

– Ладно, поехали в твой Корте, – с глубоким вздохом ответила она.

В январе следующего 1768 года Летиция Буонопарте благополучно разрешилась от своей четвертой беременности. Родился крепкий и здоровый мальчик. Радости родителей не было предела. Мальчика назвали Джузеппе, в честь деда. Карло теперь редко уходил на службу и почти все время проводил с женой и сыном. Полгода прошли для Летиции, как счастливый сон, но лишь только она в него поверила, на горизонте появились черные тучи.

Сначала поползли слухи, что генуэзцы продали остров французам. В это никто не поверил. Как это продать остров? А люди? Их тоже продали? Или продали только землю, с которой людей теперь можно согнать? Вопросов было больше, чем ответов, но вскоре все они разрешились.

В конце сентября Паскалю Паули доставили список с договора между королевством Франция и Генуэзской республикой о залоге острова Корсика, в счет обеспечения долга республики королевству. Самые невероятные слухи подтвердились. Их всех продали. Теперь французы могут прийти и занять их землю, как свою.

В истории множество раз один народ занимал земли другого. Но как он это делал? Он завоевывал чужую террито-

рию с оружием в руках. У завоеванного народа всегда был выбор: или покориться или защищать родину. А здесь тебя, не спросив, продали, как барана. Если сейчас мир не возмущается, то торгаши и дальше будут продавать и покупать народы. Превращая народ в товар, торговцы лишают его души. Разве такое не противно богу?

Вот что надо сделать. Надо послать апелляцию Папе. Он не сможет не увидеть богопротивную сущность договора продажи целого народа.

Вопрос кого отправить посланцем к Папе даже не стоял. Карло Буонопарте – единственный кандидат. Бывший «любимчик» стал последнее время сильно раздражать генерала, особенно после того, как напомнил о долге.

Паоли вызвал своего помощника, усадил за стол, дал перо и бумагу и начал диктовать:

«Ваше святейшество!

Взываю к Вашему суду. Ибо то, что замышляется, противно вере христианской. Король Франции купил единоверцев своих, как баранов бездушных вместе с землей, чего не было со времен Ноя. Так пусть же не свершится и это кощунство».

– Отвезешь это письмо Папе Римскому и дождешься ответа.

– Сделаю, генерал. Когда отправляться?

– Прямо сейчас. Время не терпит. Если французы высадятся на острове, никакие письма не помогут.

– Все понял, генерал. Мне бы только это... довольствие

какое-нибудь, а то денег уже совсем нет.

– Зайди в канцелярию, возьми сто франков.

– Но это мало, генерал.

– Ничего, надо учиться экономить.

Домой Карло шел, с настроением осужденного на смерть. Как он скажет Летиции о новой долгой отлучке? Дома он привычно поиграл с сыном. Так он называл свои кривляния перед кроваткой ребенка. Когда удавалось выдавить из ребенка улыбку, молодой отец считал игру законченной. Сегодня, закончив «игру», Карло подошел к жене и обнял за плечи.

– Я должен завтра уехать, Летиция.

– Надолго?

– Не знаю. Генерал посылает в Рим к Папе.

– А что больше послать некого?

– Ну, он же знает: лучше меня с этим никто не справится.

– Я поеду с тобой.

– Как со мной? А Джузеппе?

– Я поеду с тобой до Аяччо и там буду тебя ждать.

– Конечно, Летиция.

На следующее утро семья Буонапарте на сельской телеге покинула Корте и к вечеру прибыла в Аяччо.

Карло оставил Летицию и Джузеппе дома, а сам отправился на пристань узнать, какие парусники завтра отправляются поближе к Риму: в Неаполь или, если повезет, в Чивитавеккью. Назавтра кораблей не было. Единственный парус-

ник отправлялся сегодня, и он уже отшвартовывался. Недолго думая, Карло вскочил на борт отходящего судна. Деньги и письмо у него были с собой. Это все, что надо. А как же Летиция? А что, Летиция? Она догадается, что он по-другому не мог.

Летиция прождала мужа до полуночи и поняла, что он не придет. Ну, как он мог уехать так внезапно? Она даже не успела попросить оставить немного денег до его возвращения. На что они будут жить? Ни о чем, кроме себя не думает этот Карло! Подобные мысли о муже стали посещать взрослеющую Летицию все чаще. Детская безоглядная влюбленность прошла. Она вытеснилась заботой о ребенке. Молодой матери казалось, что мысли отца, как и ее мысли, должны неотрывно находиться рядом с сыном. А он? «Поиграл» пять минут, и считает, что отцовский долг исполнен.

Месяц после отъезда Карло, Летиция смогла протянуть на старых запасах. Она была в отчаянном положении, и это не укрылось от свекрови, которая часто навещала своего внука.

– А ну-ка, милая, перебирайся ты ко мне, – заявила пожилая вдова, – втроем как-нибудь проживем, пока Карло не вернется.

Как-нибудь и означало: «как-нибудь». У вдовы не было доходов. Оставались лишь небольшие накопления, и они с каждым днем таяли. Свекровь экономила на себе, стараясь поддерживать кормящую мать, а через нее и внука. Так прошел еще месяц.

Однажды мать Летиции, синьора Анжела, не найдя дочь в имении, объявилась в доме Буонапарте.

– Ты почему здесь, Летиция? У тебя что, дома нет?

– Мама! Ну, зачем ты так? Просто нам втроем веселей.

– Не лги мне, Летиция! Отвечай: тебя заставили?

– Что ты такое говоришь, мама! Синьора Мария приютила нас, потому что у меня закончились деньги, а Карло еще не вернулся.

– Закончились деньги? У тебя? Не смей меня, Летиция. Ты самая богатая наследница в Аяччо! Тебе уже восемнадцать лет, и ты сама можешь распоряжаться своим счетом.

Как же она сразу об этом не подумала?! Зачем нужно было голодать, когда можно снять любые деньги в банке?

– Мама! – Летиция бросилась на шею матери, – ну почему я у тебя такая глупая?

– У тебя еще много времени впереди, чтобы поумнеть, – с улыбкой ответила сеньора Анжела.

– Сеньора Мария, я оставлю Джузеппе у вас, – обратилась Летиция к свекрови.

– Конечно, милая.

– А я пройду с тобой до банка, – заявила мать, – прослежу, чтобы тебя не обманули.

– Не надо, мама. Я сама.

Летиция бросилась домой, нашла поручение о регентстве и быстро пробежала его глазами. Все правильно! «Поручение дано на имя... по достижении возраста восемнадцать

лет... вступает в права без условий и оговорок». Она свернула бумагу в трубочку и быстрым шагом отправилась в банк. Запыхавшись, она ворвалась в помещение и положила поручение перед клерком.

– Вот!

Клерк, мельком взглянув на поручение, поднял взгляд на Летицию.

– Простите, синьора, но мне нужно подтверждение, что вы Летиция Буонапарте и что вам исполнилось восемнадцать лет.

– А кто же я, по-вашему? Меня здесь все знают. Спросите любого.

– Простите, синьора, но мне нужен документ.

– Будет тебе документ, – раздалось с порога.

Летиция обернулась. В помещение банка входила ее мать.

– Мама!

– Я же говорила, что должна пойти с тобой. Вам бы все быстрее, – ворча на дочь, синьора Анжела выкладывала метрику Летиции перед клерком.

– Все в порядке, синьора Буонапарте. Оставьте, пожалуйста, здесь образец своей подписи, – клерк подождал, пока Летиция распишется. – Все, теперь вы – владелица счета. Вы прямо сейчас хотите снять некую сумму?

– Да, я хочу снять сто франков.

– К сожалению, это невозможно, сеньора Буонапарте. На вашем счете только двадцать один франк. Один франк, в лю-

бом случае, следует оставить на счете, чтобы его не закрывать, а двадцать франков можете получить.

Летиция побледнела. Когда она услышала фразу: «На вашем счете только двадцать один франк», кровь отхлынула от ее лица, голова закружилась, и она упала бы, не удержав ее мать.

– Посмотрите внимательно. Это не ее счет, – словно вдалеке услышала Летиция требовательный голос матери.

– Простите, синьора Анжела, это именно ее счет. Я могу показать синьоре Летиции все выписки.

Клерк начал выкладывать бумаги. Короткое помутнение сознания отступило, и молодая женщина смогла взять себя в руки. Она внимательно просмотрела все бумаги и, обращая внимание на даты, восстановила всю картину. Перед поездкой в Париж, Карло получил тысячу франков, а когда вернулся, в течение недели снял все остальные деньги. Куда он их дел? Не мог же он столько истратить! Может, он вложил их в какое-то дело?

– Давайте двадцать франков, – сказала она клерку.

Когда они с матерью вышли из банка, та спросила:

– Что теперь думаешь делать, Летиция?

– Не знаю, мама. Сначала выясню, куда он дел деньги.

– Куда? Мало ли куда? Истратил, в карты проиграл.

– Мама, такие деньги здесь невозможно истратить, а в карты он не играл. Я бы знала.

– Он же смог от тебя скрыть, что опустошил счет, значит,

мог скрыть и что-то еще.

— Вот это я и хочу узнать.

— Ладно, Летиция. Только не наделай глупостей второпях.

Простившись с матерью, Летиция вернулась в имение. Она принялась тщательно разбирать бумаги из ящика стола. Среди прочих бумаг ей попалась расписка генерала Паскаля Паоли поверенному Карло Буонапарте. Из расписки было ясно, что денег она не получит никогда. Ну, как Карло оказался таким глупым? Он же юрист! Разве он не понял, что слова «после победы» означают «никогда»? Он просто доверился своему кумиру. Глупенький, доверчивый Карло. А ведь он всегда таким был, и только затуманенные любовью глаза мешали ей это увидеть.

Теперь у ее сына нет будущего. Летиция поймала себя на мысли, что еще вчера она думала о будущем своих детей. Именно так, «детей» — во множественном числе. Без множества детей она не представляла своей жизни. Сегодня она уверена: детей от Карло у нее больше не будет. Генерал Паоли лишил ее и мужа, и детей, и будущего. Нет, такого спускать нельзя. Завтра она поедет в Корте и выбьет из него все деньги.

Граф Сен-Жермен приближался к резиденции генерала Паоли. Стражники, несущие караул на дороге из Бастии, да-

же не взглянули на одинокого всадника на вороном жеребце. Так же беспрепятственно граф вошел внутрь резиденции. Генерал удивленно взглянул на вошедшего.

– Кто, вы? Как вы прошли?

– На какой вопрос отвечать сначала? – произнес граф, усаживаясь на единственный стул.

– Охрана! – крикнул генерал.

Двое охранников, вооруженные пистолетами вбежали в помещение.

– Как этот человек прошел мимо вас?! – разъярился Паоли.

Ошеломленные охранники с удивлением уставились на сидящего посетителя.

– Не волнуйтесь так, генерал. Я прошел незаметно, – спокойно проговорил Сен-Жермен, – мне нужно было с вами поговорить. Если вы боитесь, оставьте охранников здесь. Я могу говорить и при них.

– Убирайтесь, – рявкнул генерал охранникам.

– Надеюсь, теперь на второй вопрос отвечать не надо? – обратился граф к Паоли, когда охранники вышли.

– Напротив, это самое интересное. Это что, какой-то фокус?

– Поверьте, генерал, ответ на этот вопрос практической ценности для вас не имеет. Ни вы, ни кто-то из ваших людей не сможет повторить этот фокус. Давайте перейдем к делу.

– Но вы не ответили на первый вопрос: кто вы?

– В этом вопросе еще меньше смысла. Я могу назваться любым именем.

– Вы ведь корсиканец?

– Если вам так угодно.

– Вы корсиканец! Вы говорите, как настоящий корсиканец. Хорошо. Что вы хотите?

– Ваши монеты.

– Что, простите?

– Монеты, отчеканенные вашим казначейством. Все до одной.

Паоли откинулся на спинку стула. Напряжение, давившее на него с момента прихода гостя, спало. Это же обыкновенный торгаш. Только зачем ему монеты? Да и разошлись они уже все.

– Зачем они вам? – зная, что не узнает правды, спросил он.

– Генерал, я же не спрашиваю вас, зачем вам нужна сабля.

– Дело в том, что сейчас у меня нет ни одной монеты. Мы их чеканили давно. С тех пор они все разошлись. Если они так вам нужны, давайте кинем клич. Вы пообещаете выкупить их дороже номинала. Я уверен, через пару дней можно собрать и сотню монет.

– А почему бы их снова не начеканить?

– Я бы с радостью, но где взять золото?

«Он не врет, – глядя в глаза генерала, думал Сен-Жермен, – зря я сюда приехал. С другой стороны, а как бы я

узнал по-другому, что золота нет? Граф де Марбо так ничего и не выяснил. Прислал сообщение, что монеты находятся в обращении, но источник не известен. Зато теперь известен: захватили геноуэзскую бригантину. Двести фунтов золота в слитках. Что ж, больше здесь делать нечего».

В это время на улице раздался шум. Женские крики, мужские. Двери распахнулись, захлопнулись, вновь распахнулись, и в комнату ворвалась молодая женщина.

– Мы не смогли ее удержать, генерал, – разводя руками, сообщил один из охранников.

Генерал махнул им рукой и с улыбкой обратился к женщине:

– Что такое случилось, Летиция? Тебе ведь сказали, что я занят?

Женщина, еще мгновение назад возбужденная перепалкой с охраной, вдруг успокоилась. Она вынула из рукава сложенный лист бумаги, развернула его и положила перед генералом.

– Что вы скажете на это, генерал?

Паоли посмотрел на листок, на Летицию и, глядя ей в глаза, произнес:

– Что ты хочешь услышать? Здесь ведь все ясно написано.

– Вы обманули Карло!

– Ничего подобного. Он все делал по доброй воле. Когда Карло вернется, мы все уладим.

«Они пытаются скрыть от меня суть разговора, – догадал-

ся Сен-Жермен. – Эта Летиция просто красавица. Стоп. Летиция, Карло – Шарль. Шарль Бонапарт. Не о ней ли он рассказывал мне в Париже? Генерал их облапошил, судя по его мыслям».

– Его нет уже два месяца! Вы нарочно его услали, чтобы он не вернулся.

– О чем ты говоришь? Ты же помнишь, из Парижа он вернулся через четыре месяца.

– Генерал, если у вас осталась хоть капля совести, вы должны вернуть долг, – твердо заявила Летиция, забрала расписку со стола и вышла наружу.

Генерал сидел некоторое время, задумавшись, казалось, забыв о госте.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – вставая со стула, произнес Сен-Жермен.

– А как же монеты?

– Я передумал.

Не успела дверь за гостем захлопнуться, Паоли встал, подошел к двери и, слегка приоткрыв ее, тихо приказал:

– Найди мне Чезаре.

Через пять минут запыхавшийся Чезаре стоял перед генералом.

– Ты знаешь Летицию Буонапарте?

– Да, генерал.

– Она оказалась предательницей.

– Летиция?!

– Да. Она связалась с французским шпионом. Он сейчас вместе с ней едет по дороге на Аяччо. Не дай им туда добраться.

– Я все понял, генерал.

Чезаре выскочил на улицу, и генерал удовлетворенно услышал его четкие команды по организации погони.

«Так будет лучше, – решил Паоли. – Я в этом деле не очень красиво выгляжу. А народ разочаровывать нельзя. У народа должен быть идеальный герой. Хорошо ли будет для дела, если герой окажется мелким махинатором? Нет, не хорошо это будет. Самое простое было бы деньги вернуть. Да только где их взять? Жалко, конечно, Летицию. Но идет война, а война без жертв не бывает».

Сен-Жермен догнал Летицию в ста шагах от резиденции Паоли.

– Простите мою навязчивость, синьорина, генерал позабыл меня вам представить. Я граф Сен-Жермен.

– Я не синьорина, граф. Я синьора Буонапарте.

– Еще раз простите, синьора Буонапарте, но нам надо поспешить. Не знаю, что вы показали генералу, но он решил вас убить.

– Он сам вам об этом сказал? – улыбнулась Летиция, приняв его слова как шутку.

– Нет. Я это прочитал в его глазах.

И тут Летиция по-настоящему испугалась. Она взглянула на графа, и, поняв, что он не шутит, прищипорила коня. Ее

гнедой помчался по узкой улочке. Граф, ударив в бока своему вороному, пустился вдогонку. На выезде из города они поравнялись.

– Синьора Буонапарте, – на ходу крикнул Граф, – нам нужно укрыться в глухом месте вдали от дороги. Есть здесь такое?

– Здесь таких много.

– Хорошо, тогда выбирайте любое, и скачем туда.

– За нами, что, гонятся?

– Думаю, уже да.

Они миновали несколько своротов с дороги, но Летиция упорно гнала вперед своего скакуна. Наконец, она повернула направо. Сен-Жермен заметил, что свернули они на каменистой дороге, а до этого копыта коней вздымали в воздух клубы пыли. Если ее выбор не случаен, Карло Буонапарте повезло. Его жена не только красавица, но еще и умница.

– Теперь можно не спешить, – крикнул он ей, слегка натянув поводья.

Кони пошли шагом, и можно было спокойно поговорить.

– Почему мы свернули именно здесь, синьора Буонапарте?

– До этого поворота дорога была пыльная. Я подумала, если там свернуть, то следы будет видно. Зато дальше дорога каменистая.

– Чем вы так разозлили генерала?

– Знаете, граф...

И Летиция, начав с расписки, рассказала ему про всю свою жизнь. Граф слушал, не перебивая. Лишь изредка, когда она в очередной раз спрашивала: «Вам еще не наскучило?», он отвечал: «Нет, продолжайте».

Впереди показалось селение, но они свернули с ведущей к нему дороги на узкую тропинку. Теперь кони не могли идти рядом, и Летиция прервала свой рассказ. Тропинка углубилась в лес, но внезапно вынырнула на поляне, половину которой занимал большой каменный дом.

– Этот дом ваш, синьора Буонапарте? – граф вновь догнал спутницу.

– Нет, но, когда я была маленькая, мой отец привозил меня сюда. Потом он умер, и я здесь больше не была.

– Подержите коня, – передал граф узду Летиции.

Сам он соскочил на землю и вошел в дом. В доме было холодно, но вокруг камина дров достаточно. Запасов еды не видно, но это дело поправимое. В общем, осмотр укрытия удовлетворил графа. Он вышел на улицу и проговорил:

– Кидайте уздцы, мы остаемся. Коней можно расседлать.

– А вдруг они нас найдут?

– За два дня не найдут, а потом им некогда будет.

– Почему?

– Французы высадились в Басте. Скоро Паоли будет не до нас.

– Вы что провидец?

– Все гораздо проще, синьора Буонапарте. Просто граф де

Марбо, командующий французским экспедиционным корпусом, мой хороший знакомый. Перед моим отъездом сюда французы как раз готовились к посадке на корабли.

— Понятно. А я уж подумала...

— Ничего похожего. Вот что, синьора Буонапарте, я пойду разожгу огонь в камине, а вы пока привяжите коней на другую сторону дома.

— А я хотела съездить в деревню. Надо купить еды.

— Нет, нам нельзя показываться в деревне.

— Но я голодна!

— Позже я покажу вам, как бороться с голодом.

Четверо всадников, снаряженных в погоню за беглецами, выехали на мощеный камнями тракт. Чезаре поднял руку и приструнил своего коня.

— Следы кончились. И дальше их не будет. Я хорошо знаю эту дорогу. С нее есть еще два сворота, не считая этого. Нам нужно обследовать их все.

— Мы так до темноты не успеем, Чезаре. Давай в этот свернем, поищем и двинем в Аяччо. А завтра с утра поедем обследовать, или как ты там говоришь, остальные два сворота.

Вообще-то, Чезаре хотел предложить другой план и закончить все сегодня, но, посмотрев на низкое солнце, мысленно согласился.

– Когда ты станешь командиром, Одноглазый, будешь предлагать. А пока слушай, что я скажу. Всем ясно?

– Да, да, Чезаре, ясно.

– Одноглазый прав. Сворачиваем сюда, – скомандовал Чезаре.

Погоня двинулась той же дорогой, по которой два часа назад проскакали беглецы. Преследователи въехали в деревню. Один из всадников спешил и постучал в двери ближайшего дома. Никакой реакции.

– Стучи еще раз. Дверь закрыта изнутри, – скомандовал Чезаре, а вслух громко крикнул, – Эй, хозяин! Открывай, не то дверь ломаем.

Звякнуло железо щеколды, и дверь приотворилась. Из-за двери показалась голова старухи и, уставившись на непрошенных гостей, спросила:

– Чего надо?

– Простите нас сеньора за то, что без приглашения вторглись в ваши владения. Но не могли бы вы нам помочь?

Пока до старухи доходил смысл вопроса, Чезаре с превосходством оглядел своих спутников. Глядя на их разинутые рты, он еле сдерживался, чтобы не расхохотаться.

– А чем помочь-то? – наконец «созрела» старуха.

– Один коварный человек, будто сам дьявол во плоти, околдовал молодую женщину. Околдовал настолько, что она бросила и мужа, и годовалого сына. Мы хотим ее вернуть, а его наказать.

– Что делается, – запричитала старуха, – девки совсем стыд потеряли. Но здесь вы зря их ищите. Не было здесь никого чужого.

– Поехали в Аяччо, – кивнув старухе, отдал команду Чезаре.

– Ну, ты даешь, Чезаре! – выразил общее мнение Одноглазый, когда они отъехали от старухино дома, – где ты так научился слова складывать?

– Эй, смотрите, дым над лесом! – не дал ответить Чезаре один из всадников.

– Поворачиваем, – увидев дым, потянул поводья командир.

Всадники свернули на лесную тропинку. Начало темнеть, и они изрядно поплутали, пока не выехали на поляну.

– Одноглазый, сходи, посмотри, кто там. Если это они, встанешь напротив окна и махнешь рукой.

– А зачем вставать напротив окна?

– Там свет падает, болван. В других местах мы тебя не увидим.

– Чо, сразу болван?

– Вперед, я сказал!

Дрова в камине изредка потрескивали, создавая вместе со светом и теплом пламени атмосферу для разговора. Сен-

Жермен и Летиция полулежали на медвежьей шкуре напротив очага.

– Расскажите мне о себе, граф. А то я вам всю свою жизнь выложила, как на исповеди, о вас же я ничего не знаю.

– Хорошо. Но позвольте мне обращаться к вам «сеньора Летиция», а то «синьора Буонапарте» – слишком длинно.

– Вы можете называть меня Летиция.

– Хорошо, Летиция. Родился я очень давно и очень далеко отсюда. Хотя моя мать была знатного рода, воспитывался я среди простых людей. Я много путешествовал и много учился. Это помогло мне стать тем, кто я есть.

– А кто вы есть?

– Тихо, Летиция, вы слышали?

– Нет, а что вы слышали?

– За окном кто-то есть. Возьмите мой пистолет и спрячьтесь в том углу.

– Мне не нужен пистолет. У меня есть стилет. Я сумею за себя постоять. Я ведь корсиканка. Да и не умею я стрелять.

– Идите уже, Летиция.

Летиция встала и исчезла в темноте. Сен-Жермен остался лежать возле камина. Пламя в камине задрожало и наклонилось.

– Стой там! – грозно произнес граф голосом генерала Паоли.

Одноглазый вздрогнул. Обе руки с пистолетами опустились сами собой. Он увидел, как генерал, до этого лежавший

возле камина встал и направился к нему. То, что это был генерал, сомнений не было. Он шел своей обычной походкой, слегка прихрамывая. Правда, падающий от очага свет, позволял рассмотреть лишь контур фигуры. Да и ростом генерал стал чуть ниже, но чего не померещится в темноте.

– Успокойся, – сказал генерал, – ты не виноват. Это ведь твой командир послал тебя сюда?

– Да это Чезаре.

– Почему он сам не пришел?

– Я не знаю.

– Он давно хочет занять мое место. Тебя он послал, чтобы ты убил меня, а потом он убьет тебя. Сколько с ним людей?

– Двое.

– Иди и убей их.

Одноглазый повернулся и сделал шаг к двери.

– Стой, – услышал он команду генерала, – их трое, а у тебя только два пистолета. Возьми мой.

Одноглазый почувствовал, как ему за пояс сунули пистолет. Толкнув, дверь он вышел из дома и направился к своим спутникам. Подойдя ближе, он увидел, что генерал прав: они собираются его убить. Они отвлекают его внимание. Между собой переговариваются, как будто его не замечают. А как только он подойдет, они выстрелят. Нет, не на того напали. Он выстрелит первым.

Почти не целясь, Одноглазый выстрелил из двух пистолетов. Двое его соратников упали. Бросив бесполезное уже

оружие, он быстро достал из-за пояса третий пистолет, но, выстрелить не успел. Чезаре на мгновение его опередил и Одноглазый упал с пулей в груди.

«Чезаре – предатель. Как я раньше не догадался?», – была его последняя мысль.

Чезаре стоял с пистолетом в руке. Его била мелкая дрожь. Как такое могло случиться? Его боевой товарищ, один из ветеранов армии генерала, вдруг, решил стрелять по своим. Без колдовства здесь не обошлось. В этом доме нечистая сила!

Как только он об этом подумал, его внимание привлек свет. Свет шел из только что открытой двери дома. Чезаре увидел, как этот свет загрозила зловещая, черная тень с факелом в руке. Страх сковал мысли бывалого бойца. Чезаре вскочил на коня и, ударив шпорами в бока, отдался на его волю. Ночью в лесу никто лучше коня не найдет дорогу. Всаднику нужно лишь прижимать голову к его шее, чтобы не нарваться на торчащую ветку. Чезаре так и делал. Только один раз он обернулся посмотреть, нет ли погони. В этот момент его чем-то ударило и выбило из седла. Ударившись головой, он потерял сознание. Он не чувствовал, как одна нога застряла в стремях, а конь понес.

Граф подошел к месту перестрелки, осветив факелом лица убитых. Тот, что заходил в дом, был среди них. Четвертому удалось улизнуть. Значит, время у них с Летицией до утра.

Граф вернулся в дом, где у порога его ждала сгорающая от нетерпения и любопытства женщина.

— Что это было, граф? Как у вас это получилось? Я от страха чуть..., в общем, я испугалась, когда генерал заговорил.

— Обычная имитация голоса. Ничего сверхъестественного.

— Вы же к нему близко подошли. Он что, не разглядел, кто перед ним?

— Было темно, а свет от камина ему только мешал. Забудьте ваши страхи, Летиция и давайте ложиться спать.

— Я не смогу уснуть, граф.

Сен-Жермен подошел к ней вплотную. Их глаза оказались на одном уровне. Заглянув в его глаза, Летиция внезапно поняла: вот на кого должен быть похож ее сын. Но разве сын Карло может стать таким? Нет, сын Карло станет таким, как Карло. Ей нужен сын от этого сильного умного и загадочного мужчины.

Не говоря ни слова, Сен-Жермен подхватил Летицию на руки и отнес на шкуру, постеленную возле камина.

Эта бурная ночь осталась в памяти Летиции на всю жизнь.

Проснувшись ближе к полудню, она почувствовала голод. Больше суток Летиция ничего не ела, а тратить столько сил, как вчерашней ночью, ей еще никогда не приходилось. Но голод мгновенно пропал, когда она поняла, что графа в доме нет. Неужели он уехал, ничего ей не сказав?

Снаружи раздалось ржание коня графа. Это развеяло опа-

сение Летиции, а через минуту и сам Сен-Жермен вошел в дом. Он подошел, присел около нее и раскрыл ладонь. В ладони лежал круглый комочек серо-коричневого цвета размером чуть больше горошины.

– Сядьте вот так, Летиция, – Сен-Жермен сел, скрестив ноги под собой, – и съешьте это. Только не глотайте сразу. Жуйте, пока комочек не растает.

– Что это?

– Это придаст вам сил.

Летиция положила комочек в рот. Необычный вкус. Но разве можно этим насытиться?

– Закройте глаза, Летиция и представьте гладь моря в безветренную погоду. Не отпуская эту картину.

Летиция парила над морской гладью. Ей казалось, что кроме нее и моря ничего вокруг нет. Сколько так продолжалось, она не знала. Время исчезло.

– Опускайтесь, Летиция, – словно с небес, услышала она голос Сен-Жермена, – и одевайтесь. Нам пора. Я подожду снаружи.

Когда она вышла из дома, то увидела оседланных коней и графа, держащего их под уздцы. Взобравшись в седло, Летиция подождала, пока граф не вскочил на коня. Они пустили коней в галоп и через полчаса выбрались на дорогу, ведущую в Аяччо.

– Здесь мы должны расстаться, Летиция.

– Вы меня бросаете, граф? И вам нисколько не будет

жалко, если Паоли меня убьет?

– Паоли вас больше не тронет. Именно за этим я вас покидаю.

– Вы хотите его убить?!

– Разве я похож на кровожадного злодея? – рассмеялся Сен-Жермен, – нет, я просто его уговорю. Прощайте, Летиция.

Граф повернул коня, пустил его шагом, но, проехав так несколько шагов, он ударил шпорами в бока скакуна и через минуту скрылся из вида.

Еще вчера Летиция знала, что он уедет. Их свела судьба на короткий миг, похожий на чудо. И теперь будущая мать не сомневается, зачем судьба так поступила.

Генерал Паоли сидел за столом, когда увидел вчерашнего посетителя, входящим в дверь. Паоли хотел крикнуть охрану, но крик застрял у него в горле. Мышцы стали ватными. Он понял, что наступил конец.

– Сейчас я не убью вас, генерал, – говорил гость, приближаясь к столу, – но только сейчас. Вы живы, пока с Летицией Бонапарт ничего не случилось. Оставьте ее в покое. У вас много других дел. Вижу, вы меня поняли.

Между фразами Сен-Жермен делал короткие паузы, глядя в глаза генерала. Закончив монолог, он повернулся и вы-

шел.

Только теперь Паоли смог проглотить застрявший в горле комок, но страх, опутавший все тело, не отпускал. «Кто он такой, черт побери? И где Чезаре?», – думал Паоли, глядя на свои трясущиеся руки.

Вбежал гонец из Бастии.

– Французы высадились в Бастии и двинулись в нашем направлении, генерал, – запыхавшись, доложил он.

– Французы? – переспросил генерал.

– Да французы. Много. Идут на нас, – уже спокойней произнес гонец, видя, что Паоли не в себе.

Ситуацию спас вбежавший брат Паоли, Климент.

– Паскаль, нужно срочно выдвигаться навстречу французам. Там перед Борго узкая дорога. Можно попытаться их задержать.

– Да, конечно, Климент. Надо выдвигаться. Командуй.

– Ты не поведешь людей, Паскаль? – удивленно спросил брат.

– Веди ты. Мне что-то нехорошо.

– Конечно, брат! – обрадовался Климент.

Он, а вместе с ним и гонец выскочили на улицу. Оттуда раздались крики команд и шум, обычный для скорых сборов в поход. Через полчаса все стихло. За это время генералу удалось взять себя в руки. Вернулась способность рассуждать здраво:

«Французы разобьют Климента. Что дальше? Надо бежать

в Англию и просить войско. Одним нам не справиться. Есть только один вопрос: бежать сейчас или дожидаться брата и бежать вместе».

К вечеру конь привез Чезаре. Чезаре сидел верхом, сцепив руки в мертвый замок на шее коня. Он был без сознания. Кровь из раны на голове уже не сочилась, но она запеклась и на лице, и на одежде. Чезаре перевязали, оттерли кровь с лица и оставили умирать в пустом госпитале.

Однако санитары не поинтересовались мнением Чезаре. Сам он не собирался умирать. К обеду следующего дня он очнулся, а уже к вечеру мог рассказать генералу о своих приключениях.

– Мы наварались на нечистую силу, генерал, – сходу заявил он. – Мы проверяли один дом. Я послал Одноглазого. Он вошел в дом, через минуту вышел и пошел к нам. Я думал дом пустой, поэтому он так быстро вернулся. А Одноглазый, не успел подойти – давай палить из пистолета. Анжело и Джованни – наповал. Пока он вытаскивал третий пистолет, я успел его подстрелить.

– А кто тебя ранил?

– Никто. Когда я понял, что в доме нечистая сила, вскочил на лошадь. Помню, ехал по лесу. Темно. Больше не помню. Первый раз очнулся в траве. Лошадь рядом пасется. Кое-как взобрался на нее. Как доехал не помню. А Летицию со шпионом мы так и не нашли.

– Так в том доме были не они?!

– Я сначала так и думал, что там они, пока не понял, что там была нечистая сила.

– Хорошо. Отдыхай, набирайся сил. Скоро они тебе понадобятся.

Через три дня с триумфом вернулся Климент. Армия на руках внесла его в Кортэ. Французский трехтысячный корпус был разбит наголову. Корсиканцы захватили десять пушек больше полутора тысяч ружей и много боеприпасов.

Как только триумфатора опустили на землю, он бросился в объятья брата.

– Мы их побили. Их можно бить, Паскаль. Они надолго запомнят этот день.

Летиция уже перестала ждать Карло. Прошло восемь месяцев с тех пор, как он внезапно исчез. Он не мог так долго находиться в Риме. Скорее всего, Паоли отправлял его, зная, что он не вернется.

Мать Карло готовилась стать бабушкой второго внука. По ее подсчетам, самое позднее через месяц Летиция должна родить. Свои расчеты она вела с момента отъезда своего сына и Летиция решила ее не переубеждать. Будущая мать собралась уехать в тот дом, где и был зачат этот ребенок. Свекрови она сказала, что едет в Кортэ узнать, нет ли новостей от мужа.

По дороге ей взбрело в голову, что Сен-Жермен может находиться в Корте у Паоли. Ведь там они встретились, и туда он уехал после расставания. Эта мысль так вдохновила молодую женщину, что она пустила своего гнедого вскачь и вскоре прибыла в город.

С самого въезда в город начались странности. Привычный пост на дороге исчез. В городе царила небывалая суета. Кругом сновали вооруженные бойцы и лежали раненые. Привычный часовой перед резиденцией генерала отсутствовал. Ответить, где генерал, никто толком не мог.

Вглядываясь в лица суетящихся людей, Летиция искала хоть одно знакомое, и ей повезло. В одном из всадников она узнала Чезаре. Он был кем-то, вроде, адъютанта Паоли, и они были дружны с Карло.

– Чезаре, – окликнула его Летиция, – что здесь происходит?

– Летиция?! Что ты здесь делаешь?

– Ищу генерала.

– Ты с ума сошла, Летиция! Ты знаешь, что генерал послал меня убить тебя?

– Тебя?

– Что, тебя? Я говорю убить тебя!

– Я поняла. Тебя посылал?

– Меня. Он сказал, что ты предатель.

– Предатель? Я? А ты знаешь, что он занял у Карло деньги? Много денег, а теперь не собирается возвращать. Поэтому

му он и Карло погубил и меня хотел.

– А я тебе верю. Ты же знаешь, у нас с предателями разговор короткий, а тут я ему недавно говорю: «Генерал, когда мне доделать начатое дело?». Знаешь, что он мне сказал?

– Что?

– Забудь. Каково, а? Забудь! Как будто у нас когда-нибудь забывали о предателях.

Летиция догадалась, почему генерал переменял свое решение. Значит, Сен-Жермен здесь был.

– Чезаре, а тебе не попадался здесь такой...– Летиция описала графа во всех подробностях.

– Около генерала такого точно не было.

Тем временем вдалеке раздались крики, которые выделялись из общего шума. Скоро можно было разобрать, что кричат люди. Судя по всему, французы перерезали несколько дорог из Корте.

– Надо выбираться, Летиция. Может, дорогу в Аяччо еще не отрезали.

Они развернули коней и поскакали на выезд из города, но впереди раздались выстрелы, и беглецы натолкнулись на толпу отступающих корсиканцев.

– Держись за мной, Летиция, – крикнул на ходу Чезаре.

– Куда мы едем?

– Недалеко есть брод через речку, а там полем выберемся на дорогу.

Брод нашли быстро. Кони с неохотой, но вошли в холод-

ную воду. И в это время их заметили с моста французы. Они открыли огонь. Пули свистели рядом, сбивали ветки прибрежных кустов вздымали фонтанчики воды, но ни одна из них не задела ни Летицию ни ее коня. Гнедой вынес свою хозяйку на берег. Следом за ними выскочила и белая лошадь Чезаре. Седока на ней не было.

Окольными дорогами на следующий день Летиция добралась до Аяччо.

Через неделю в город вошли французы. Особой тревоги жителей это не вызвало. Французы покинули Аяччо только год назад, и их прежнее пребывание не казалось обременительным для горожан.

В июне месяце Мария Буонапарте, свекровь Летиции, начала готовиться к рождению внука, или внучки. Но ребенок никак не хотел покидать чрево матери и появляться на свет. Зато неожиданно для всех объявился Карло.

Оборванный грязный, обросший и жалкий он шагнул на порог дома своей матери в середине июня 1769 года. Оказалось, он все это время пытался выполнить поручение Паоли.

На первый взгляд, поручение выглядело простым. Оно состояло всего из двух частей, а именно: вручить письмо Папе, получить ответ от него. Но на самом деле все оказалось сложнее. Сначала секретариат Ватикана вообще отказывался принимать письмо от корсиканского генерала, но в середине октября что-то сдвинулось. Письмо приняли и велели каждый день являться и справляться об ответе. Так прошел

месяц. От ста франков осталось десять. Наконец, Карло пригласили к какому-то кардиналу. Он сообщил, что их духовная коллегия рассмотрела обращение и не нашла, что означенная в письме сделка затрагивает «духовную сферу». А, значит, не находится в компетенции Ватикана. Но Папа лично, своей рукой отписал Императору рассмотреть просьбу Паскаля Паоли, ибо всем, что не касается «духовной сферы», ведает Император Священной Римской Империи.

Из длинной кардинальской речи Карло понял одно: ему придется ехать в Вену. Денег на дорогу не было. Но возвращаться назад, не выполнив поручение, не хотелось. Поэтому, где пешком, где на крестьянских телегах, а иногда, если очень повезет, то и на дрожках почтовых карет, корсиканский посланец продвигался к своей цели. В столицу империи он прибыл месяц спустя. Был уже конец января. В дороге Карло простудился и занемог.

Крестьянин, подвозивший оборванного иностранца, ничего не понимающего по-немецки, решил, что попутчик умер. Чтобы его не заподозрили в убийстве, крестьянин выкинул тело на обочину, не доехав до города.

К счастью для Карло, пролежал он на холодной земле недолго. Следом ехала почтовая карета. Среди трех ее пассажиров оказался внимательный священник, которому показалось, что лежащий на дороге труп, шевельнул рукой. Священник потребовал остановить карету и уговорил пассажиров выйти вместе с ним и, возможно, спасти человека. Было

холодно, ветер бросался в лицо мокрыми снежинками. Ругая пастора глубоко в душе, двое его попутчиков, все же выбрались из кареты и подошли к «труп». Пастор встал на колени рядом с ним, приложил ухо к груди и предупреждающе поднял руку. По его мнению, так он требовал тишины. Хотя в радиусе трех миль никакого шума не было.

– Живой, – определил священник. – вы берите за ноги, а мы с вами возьмем за плечи.

– Падре, а если он чумной? – не тронувшись с места, высказал свои соображения один из спутников.

– Ничего страшного. Вы совершаете богоугодное дело. Бог учтет этот поступок, и не даст устроить несправедливость.

Поддействовал на путешественников этот аргумент или им надоело мерзнуть, доподлинно не известно. Известно лишь, что больной Карло Буонапарте оказался в карете. По прибытии в Вену, его сдали в «дом малоимущих и немощных» – богадельню для бедных. Врачебной помощи там не оказывали, кроме перевязок. Зато умирать можно было в более комфортных условиях, чем на улице.

Прибытие нового пациента никак не повлияло на размеренную жизнь богадельни. В первый день. А во второй, когда в кармане умирающего обнаружили письмо, весь персонал засуетился. Санитарки-монахини передавали письмо друг дружке, не зная, что с ним делать. Ясно было одно: кто-то из Ватикана пишет Императору.

В бюрократическом механизме есть замечательное правило: если возникает проблема, и ты не знаешь, как ее решить, передай ее вышестоящему начальству. Благодаря этому правилу, письмо достигло взора начальника богадельни уже к вечеру, а на следующее утро он сам избавился от необычного документа, передав его коменданту гарнизона.

Что касается пациента, то его перевели из холодного коридора ближе к камину и закрепили за ним персональную сиделку. Молодая монашка знала только один способ излечения больных: молитва за их здоровье. Иногда такой способ лечения оказывался эффективным, и больные выздоравливали. Так получилось и в этот раз. К больному возвращались жизненные силы, а вместе с ними и его привычный облик. Изможденный старик на глазах сиделки превращался в молодого красавца.

Красавчик Карл настолько обворожил монашку, что она уже готова была изменить своему небесному мужу, но обстоятельства не дали ей совершить ей такой грех.

Письмо к этому времени добралось по бюрократической цепочке к министру иностранных дел. Он решил не торопиться передавать письмо императрице, а подумать, нельзя ли с его помощью разыграть хитроумную комбинацию, полезную империи. Выздоровливающего посланника забрали из богадельни и передали для обследования дворцовым лекарям.

Собранный консилиум вынес единогласное решение: па-

циент здоров. О вынесенном решении немедленно доложили министру, и он пожелал встретиться с посланцем. Из короткой беседы стало понятно, что посланец ничего собой не представляет, и его можно использовать втемную. Пока министр обдумывал комбинацию, Карло поселили в доме для прислуги и поставили на довольствие.

Стратегическая многоходовка не вырисовывалась. Поэтому министр, не мудрствуя лукаво, воспользовался ситуацией для решения тактической задачи, которой в это время был занят австрийский двор. Австрийскую принцессу, Марию-Антуанетту настойчиво пытались выдать за Людовика, дофина Франции, но никак не могли добиться официального предложения французского двора.

Идея министра заключалась в том, чтобы показать французскому королю полную лояльность австрийского двора. Генералу Паоли отказали, даже не попытавшись сочинить ответ. Ниже резолюции папы на письме корсиканского вождя Мария-Терезия, император Священной Римской Империи, написала: «отказать» и поставила свою подпись. Теперь благодаря «утечке», это письмо должно попасть королю Франции.

В середине апреля Карло вызвали в канцелярию, выдали ему письмо, дорожную грамоту, немного денег и отправили в Рим. Одним из попутчиков корсиканца оказался положительный во всех отношениях француз. Он с интересом слушал рассказы молодого «дипломата» о его приключении-

ях. На почтовой станции, последней перед Венецией, они много пили за свободу Корсики, а наутро корсиканский посланец проснулся без письма, без денег и без подорожной грамоты.

После этого, Карло побирался, устраивался на разовые работы, постепенно продвигаясь в направлении Корсики. В порту Чивитавеккья он устроился юнгой на торговую бригантину, следующую в Аяччо.

И вот он дома. Оказалось, вся его поездка, все жертвы, которые он принес на алтарь свободы – бессмысленны. Генерал Паоли бежал, французы заняли остров, и подавляющее большинство корсиканцев воспринимает это как данность. Никто не собирается бороться с поработителями. Наоборот корсиканцами овладело желание оказаться полезными новому режиму. Какой-то бдительный житель Аяччо доложил в комендатуру, что в городе объявился капитан Карло Буонапарте, «правая рука» Паскаля Паули. Зачем он объявился? Не замышляет ли чего? «Злодея» немедленно задержали.

На допросе Карло не скрывал правду о себе. Это позволило коменданту без труда определить, кем фактически он был при генерале. Простодушие молодого человека, его знание французского языка и корсиканского диалекта, его юридическое образование и полное отсутствие средств существования сделали Карло лучшим кандидатом на должность секретаря коменданта. О чем комендант не замедлил сообщить задержанному. А почему бы и нет? Свобода подождет до луч-

ших времен, а пока нужно кормить семью. Тем более что на днях родится второй ребенок. К такому выводу подталкивали несложные подсчеты: путешествие в Рим, Вену и обратно длилось девять месяцев.

С момента своего возвращения из Рима Карло еще не удавалось поговорить с женой. Только вернувшись от коменданта, он смог это сделать:

– Как же я рад, Летиция, что успел к рождению нашего ребенка.

– Мог бы так не торопиться, ребенок все равно не твой.

– Летиция?! – опешил Карло.

– Что, Летиция?! Ты бросил нас. Ты уехал, ничего не сказав. Ты оставил нас умирать, отдав все деньги генералу. Что я должна была думать?

– И что?! Это причина, чтобы отдаться первому встречному?

– Он – не первый встречный. Он спас меня, когда Паоли послал за мной убийц. Я не жалею ни о чем, и не тебе меня упрекать.

– Генерал хотел убить тебя? Но зачем?

– Я поехала к нему требовать свои деньги. Деньги он не вернул, понял, что я молчать не буду, и послал Чезаре и еще трех человек меня убить.

– Чезаре? Как он мог? Я же считал его своим другом.

– Паоли сказал ему, что я предатель.

– Да, тебе тоже много пришлось пережить. Давай забудем

обо всем и начнем жизнь заново. Я прощаю тебя.

– Ты прощаешь меня? Зато я не прощаю тебя. Ты оставил нас голодать. Мы чудом выжили. А главное, ты лишил наших детей будущего.

– Летиция, я буду работать, и наши дети ни в чем не будут нуждаться. Не бросай меня, Летиция. На мою долю и так выпало слишком много несчастий.

И Карло поведал историю своего путешествия. На этот раз упор он делал не на своих успехах, а на ударах судьбы, сыпавшихся на него со всех сторон. Женское сердце растаяло. Летиция пожалела мужа и разрешила остаться при себе, а через два месяца она родила сына.

Ребенку дали необычное по тем временам имя – Наполеон.

Глава 3. Финансисты.

Вильгельм, принц Гессена, граф Ганау читал отчет своих придворных евреев о состоянии финансовых дел государства и его личных. Сказать по правде, владетельный князь никогда особо не отделял государственное от личного. И это не удивительно. Других распорядителей и владельцев государственной казны в графстве не было.

В этот раз наследному принцу гессенского дома показала завышенной сумма просроченных долгов ему от различных земельных баронов. В отчете за прошлый год, насколько помнил граф, эта сумма была меньше.

– Ваше высочество! – прервал занятие принца Вильгельма вошедший лакей, – к вам пришел Майер Ротшильд.

– Кто это?

– Он говорит, что поставщик двора вашего высочества.

– Не помню такого. Ну, пусть войдет.

В зал вошел молодой человек лет двадцати пяти и граф сразу его вспомнил. Это простофиля-еврей, бездарно расставшийся с коллекцией монет, благодаря которой мог обеспечить себя на всю жизнь. Ну, чего он хочет на этот раз? Может, у него есть еще похожая коллекция?

Майер вошел в зал и остановился на почтительном расстоянии от графа.

– Вы ведь пришли ко мне с какой-то просьбой, не так ли? – не вытерпел молчания посетителя граф, – так почему не излагаете?

– Я ждал соизволения вашего высочества, чтобы заговорить.

– Так говорите, в чем ваша просьба?

– У меня не просьба, а предложение, ваше высочество. Оно касается финансов вашего высочества.

– Я не выслушиваю предложения относительно моих финансов от посторонних. Для этого у меня есть придворный фактор.

– В этом и суть предложения: исправить состояние финансов, до которого довел ваше высочество придворный фактор.

Граф от неожиданности плюхнулся в кресло, но быстро взял себя в руки. Теперь ему стал интересен визит этого нагловатого молодого человека. Откуда он знает о состоянии финансов графства?

– Ты хочешь сказать, что знаешь о состоянии моих финансов?

– Я знаю лишь то, о чем болтают в нашем квартале, ваше высочество. Ходят слухи, что доходы от вложений падают, а просроченная задолженность вашему высочеству растет.

– Допускаю, что ты мог это где-то услышать. Что, по-твоему, нужно делать в этом случае?

– Ваше высочество, у меня было много времени, и я раз-

работал систему управления финансами. Я бы не хотел ее расписывать, тратя ваше драгоценное время, но я хотел бы ее применить на службе вашему высочеству.

– Ты просишь дать тебе должность придворного фактора? Но это невозможно! С моими финансами работают люди, которым доверял еще мой дед.

– Прошу ваше высочество испытать меня. Дайте мне просроченный вексель, и я через два месяца обращу его в государственную бумагу по нарицательной стоимости.

Вильгельм задумался. У него было несколько векселей, на оплату которых уже можно не надеяться. Своим придворным евреям он давно поставил задачу продавать такие векселя за половину нарицательной стоимости. Задача оказалась для них непосильной. «Если этот Ротшильд справится, я ничего не теряю, – думал граф. – Даже если за ним кто-то стоит, что он получит? Ничего».

– Пожалуй, я дам тебе такую бумагу. У меня есть векселя графа Саарского на шестьдесят тысяч талеров. Если вместо них ты принесешь бумаги английского займа на три тысячи фунтов, я буду считать тебя самым великим финансистом.

– Я принесу их, ваше высочество.

Получив вексель, Майер прямым ходом отправился в Амстердам. Он понятия не имел, как он будет превращать бесполезный вексель в самый надежный актив: бумаги английского государственного займа. Однако он помнил наказ Благотелья: пройти регистрацию на бирже и ждать.

Прибыв в Амстердам, Ротшильд поселился на съемной квартире рядом с биржей. На следующее утро он зарегистрировался и остановился у одной из колонн перед торговой площадкой. Ему было интересно наблюдать за процессом торгов. Жаль только, что он почти ничего не понимал из выкриков продавцов и покупателей.

– Господин Ротшильд? – обратился к нему высокий, русоволосый мужчина лет тридцати пяти.

– Да, это я.

– Я Йохан Верховен. Мне поручено помочь вам в вашем деле. Что у вас?

– Вот, векселя.

– Что вы собираетесь получить взамен?

– Английские бумаги по нарицательной стоимости.

Йохан подошел к одной из множества подставок со счетами и начал быстро перекидывать с места на место счетные кости. Майеру казалось, что в этих перекидываниях нет никакой системы, но его новый знакомый через несколько мгновений объявил:

– Бумаги английского государственного займа на сумму три тысячи сто тридцать три фунта. Бумаги идут номиналом по пятьдесят фунтов, – уточнил он, – значит, я вам должен предоставить бумаги стоимостью три тысячи сто пятьдесят фунтов. Так?

– Владельца векселя устроят бумаги на три тысячи фунтов, так что мне достаточно будет три тысячи сто, – решил

поскромничать Майер.

– Так не пойдет, господин Ротшильд. Разве хозяин вас не предупреждал?

– О чем, господин Верховен?

– О том, что нельзя смешивать свой интерес и общий? Вы хотите получить гешефт на общем интересе. Это недопустимо.

– Какой же здесь гешефт? Я просто хотел компенсировать свои затраты на поездку сюда.

– Хорошо, господин Ротшильд. Можете сами продать свой вексель и купить бумаги на любую сумму, какую вам захочется.

– Простите, господин Верховен, я неправильно себя повел. Давайте вернемся к началу разговора. Вы спросили, что мне нужно. Отвечаю: мне нужны английские бумаги на три тысячи фунтов.

– Вы быстро учитесь, господин Ротшильд. Выставляйте ваши векселя за половину номинала.

– А если кто-то купит?

– Сегодня – маловероятно, а завтра после обеда продадите первому покупателю.

Ротшильд простоял целый день, глядя на доску продаж, но напротив его позиции не было ни одной пометки. На следующее утро он вновь выставил вексель графа Саарского на продажу. В обед он увидел цифру «8» напротив позиции векселя. Эта цифра означала номер арочного пролета, где будет

ждать покупатель. Ротшильд подошел к восьмому пролету. Там стоял почти двойник Верховена: такой же высокий молодой и самоуверенный тип.

– Простите, – обратился к нему Майер, – это вы собираетесь купить вексель графа Саарского?

– Перестаньте валять дурака. Идите на улицу и делайте это там. Вчера вас многие видели около доски продаж. Пусть сегодня увидят удачливого продавца.

Ротшильд покинул здание биржи. Перед входом он остановился, потянулся, изображая счастливое лицо. Приподнятое настроение портил мальчишка, продавец газет. Противным визгливым голосом он выкрикивал: «сенсация, скоро нас ждет кризис, не дайте застать себя врасплох!».

Газета у мальчишки расходилась влет. Майер едва успел купить экземпляр для себя. Статья о кризисе не впечатлила. Обычное рассуждение с доводами за и против. Получалось, кризис может возникнуть завтра, а может через пять лет. Перевернув газету на другую сторону, Майер увидел броский заголовок: «Что задумал граф Саарский?».

«Граф Саарский смелый человек, – начиналась статья, – он появился в Амстердаме, зная, что именно здесь его кредиторы пытаются избавиться от мусора, в который превратились векселя вышеупомянутого графа. Или он думает, что его никто не узнает? Напрасно он тешит себя такой надеждой. Мало кто способен забыть лицо своего должника. Сколько раз должники являются к нам во сне и вызывают

желание обезобразить их лица, вымазать конскими испражнениями или даже отделить это лицо вместе с головой от туловища?

Если говорить серьезно, то только очень веские причины могли заставить графа появиться в Амстердаме. Давайте вместе, мои дорогие читатели, подумаем: какие это могут быть причины? Будем рассуждать логически. Раз он вышел в свет, он перестал бояться кредиторов. Почему? У него появилось нечто, что значительно подняло стоимость его владений! Может, там нашли большие запасы угля или ртути, или золота. Если это так, то он попытается через подставных лиц выкупить свои векселя по бросовой цене. Думаю, никого не надо уговаривать воздержаться от продажи векселей графа Саарского по цене ниже номинала.

Мы собираемся и дальше следить за странными действиями вышеупомянутого графа и оповещать своих читателей о самом интересном».

Майер дочитал статью и принялся ругать себя последними словами. Ну, почему бы ему ни подождать один день? Завтра он без всякой помощи мог продать вексель за семьдесят пять процентов от номинала. Именно с таким дисконтом сейчас продаются английские пятилетние бумаги. Майер кинулся назад на биржевую площадку. На доске продаж он нашел свой бывший лот. Только теперь он был выставлен за восемьдесят процентов от номинала, и кто-то уже прикреплял к нему табличку с номером тринадцать.

Майер прошелся вдоль колонн с анфиладами, надеясь разыскать Верховена, а тот и сам шел навстречу.

– Майер, а я вас ищу. Вот ваши бумаги: ровно на три тысячи фунтов со сроком погашения три года. Мы ведь об этом договаривались?

– Да. Благодарю вас.

– А хотите посмотреть, чем все закончится?

– Разве еще не все закончилось?

– Не рационально заканчивать операцию на самом высоком потенциале.

– Я не очень понимаю ваши термины, господин Верховен.

– Сегодня верхний предел цены векселя – десять процентов ниже номинала. Этот предел определяет вся имеющаяся на сегодня информация о ликвидности векселя и мои ребята на торгах. Через день эта информация обновится, и цена возрастет на сорок или даже пятьдесят процентов.

– Так статья в газете – это ваша импровизация?

– Ну, почему же импровизация? Это наша домашняя заготовка.

Вот это да! А ведь Майер поверил. Он подумал, что статья о графе Саарском – это подарок судьбы. Оказывается, на судьбу здесь никто не надеется. Судьбой здесь управляют. Получается, любой актив можно поднять, и так же любой актив можно опустить в цене, если вовремя подать нужную информацию. Даже интересно стало, что они еще придумают? Надо обязательно остаться и посмотреть.

Через день, ближе к обеду Майер подошел к зданию биржи одновременно с крикливым мальчишкой, разносчиком газет.

«Банки уже не выплывут, — кричал мальчик, — они утонут, если правительство их не спасет». Майер купил газету. Передовицу он даже не стал пробегать глазами. Он наизусть знал эту песню банков: выдают налево и направо необеспеченные кредиты, а когда оказывается, что им нечем платить по счетам, вызывают к правительству: помощи. Гораздо интереснее, что было на другой стороне газеты. На этот раз статья называлась «Новая загадка графа Саарского».

«Мы собирались выяснить, — было написано в статье, — что же так подняло стоимость владений графа Саарского? На что отреагировали биржевые игроки, доведя цену векселей графа с пятидесяти до восьмидесяти процентов от номинала? Что заставляет игроков скупать эти векселя, хотя держатели векселей ринулись на биржу, сбивая цену повышенным предложением?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы решили разобраться на месте. Приехав в пределы графства, мы поинтересовались, какие у них новости. Оказалось, что на юго-западе графства происходит что-то странное. Туда завозят какую-то технику, там слышны взрывы и это место оцеплено солдатами.

Уголь так охранять, точно не будут. Значит, там зарыто что-то более ценное. Золото? Алмазы? Ртуть? Выяснить это

нам так и не удалось. Солдаты охраняли этот участок и днем, и ночью. Зато теперь мы почти уверены, зачем скупаются по бешеным ценам, неликвидные еще вчера, векселя. Видимо, кто-то хочет стать владельцем маленького клочка земли, который сулит большие доходы».

Майер выдвинулся на торговую площадку. Цена векселя на доске продаж неуклонно росла. Сейчас она составляла десять процентов выше номинала. К закрытию торгов она достигла ста тридцати процентов. «Все, как предсказал Йохан Верховен, – думал Майер, – что же они придумают завтра?».

Вооружившись этим вопросом, Майер пошел искать Йохана, но его нигде не было видно. Слегка огорченный будущий финансист отправился в свою съемную каморку. Там его ждал сюрприз. На кровати, не сняв сапог, лежал Верховен.

– Ты как здесь оказался? Ой, простите, вы оказались?

– Давай на «ты». Мне так будет проще.

– Давай.

– Тебе говорят о чем-нибудь имена Йозеф Мозес и Симон Михель?

– Говорят. Это придворные евреи Гессенского дома. Откуда ты их знаешь?

– Я их не знаю. Они зарегистрировались на бирже следом за тобой. Я обратил внимание, что в графе: откуда прибыли, они поставили «Ганау». Ты ведь тоже из этих мест?

– Если это так, я пропал.

– Почему?

– Они продали вексель за сто тридцать процентов от номинала. Привезут Вильгельму деньги и – все, он меня на порог больше не пустит.

– А с чего ты взял, что они продали вексель? Вчера они его действительно продали за минус двадцать процентов, а сегодня купили обратно за плюс двадцать пять.

– Зачем?! Теперь у них векселей даже меньше, чем они привезли!

– Я думаю, они прочли статью в газете, и их обуяла жадность. Они, как и многие рассчитывают на рост цены до двух номиналов. Вчера по площадке уже ходили такие слухи.

– Но ведь цена больше не поднимется?

– Почему? Поднимется. Ненадолго. А потом выйдет экстренный выпуск газеты, и все рухнет.

– Я хочу на это посмотреть.

– Что-то мне не хорошо, Сима. У меня свербит в одном месте, а вдруг, завтра цена не вырастет? – делился своими сомнениями главный придворный еврей Гессенского дома.

– Что на тебя такое нашло, Изя? – пытался успокоить патрона его помощник, – разве ты уже забыл про свои расчеты? Хочешь, прямо с утра продадим векселя по цене покупки?

– Зачем ты меня так успокаиваешь, Сима? И что нам это

даст? Ты видишь здесь какой-то гешефт?

– Зачем нам гешефт, Изя? Ты забыл, зачем мы здесь? Разве не затем, чтобы пристроить векселя не хуже, чем этот Ротшильд?

– Ты меня удивляешь, Сима! Если тебе не нужен гешефт, зачем ты пошел в придворные евреи? Шел бы в метельщики, там гешефт не дают.

– Ты хочешь сказать, прямо с утра не будем продавать векселя?

– А ты, нет?

Наутро цена векселей немного двинулась вверх и остановилась. Подождав два часа, Йозеф дал команду Симону продавать. Тот, не мешкая, выставил лот по цене сто тридцать процентов от номинала. Сразу же рядом с ним возникла запись о продаже аналогичного лота, но за сто двадцать пять процентов. Симон переписал цену на сто двадцать три, его конкурент снизил еще на три пункта.

Йозеф знаком остановил Симона и подозвал к себе.

– Нам нельзя больше снижать цену, – выразил он свое мнение, – иначе мы бледно будем выглядеть пред графом.

– Тогда подождем, Изя?

– Почему не подождать, Сима?

Перед обедом вышел экстренный номер газеты. Статья,

которую все ждали, называлась «Разгадка графа Саарского». Мальчишка-разносчик продал всю принесенную партию за пять минут.

Майеру достался, чуть ли не последний экземпляр газеты. Он с интересом начал читать:

«Нам не давали покоя таинственные приготовления на юго-западе графства. Что там? Золото? Алмазы? Но проникнуть внутрь охраняемой зоны никак не могли. Нам сказали, что без специального разрешения самого графа, проход и проезд туда запрещен.

Тогда мы решили получить такое разрешение и направились в замок к графу. Надо сказать, граф встретил нас радушно. На нашу просьбу в получении разрешения он ответил удивленно. По его словам, там проходят стрелковые учения двух батальонов его армии. Охрана там стоит, чтобы гражданское население не попало под случайную пулю или снаряд. Нам показалось его объяснение неубедительным. И мы задали неожиданный вопрос: что делал, в таком случае, граф в Амстердаме неделю назад? Граф, несколько не смутившись, ответил, что в Амстердаме он не был уже больше пяти лет. Возможно, произошла ошибка, и в Амстердаме видели человека похожего на графа Саарского? Возможно.

Но ведь все наши выводы основаны именно на этом факте! А если это не факт, значит, и все выводы ложны...»

Майер еще не успел дочитать статью до конца, а вокруг послышался треск разрываемой бумаги. Оборачиваясь на

шум, Ротшильд видел, как люди комкали, рвали, швыряли газеты и устремлялись внутрь биржи.

Йозеф и Симон не успели в этот раз купить газету, поэтому совершенно не понимали, почему к доске продаж устремились люди и наперебой записывали свои лоты. В первую минуту цена векселей графа Саарского упала до восьмидесяти процентов.

– Надо продавать, Изя! – забеспокоился Симон.

– Кому, Сима? Ты видишь, что кто-то покупает? Я – нет. Я вижу: все продают.

– Изя, а ты помнишь, кто предложил обратно выкупить векселя за сто двадцать пять процентов?

– К чему это ты спрашиваешь, Сима?

– Это я к тому, чтобы, когда будем изливать душу перед принцем, ты не забыл.

– Ну, да. Я помню. Но ведь мы можем не все рассказывать принцу.

– Да? А как ты объяснишь, что векселей стало меньше?

– Почему меньше? Давай докупим на свои деньги.

– Знаешь, Изя, я не настолько провинился пред принцем, чтобы откупаться своими деньгами.

Между тем, цена векселей упала до тридцати процентов от номинала, когда появились первые покупатели.

– Пора покупать, – объявил Йозеф, – ты, Сима, договорись с продавцом. Мне нужны векселя на сумму шесть с половиной тысяч талеров по биржевой стоимости. По бирже-

вой, ты понял, Сима? Но не выше тридцати процентов.

Пока Йозеф ходил в банк и снимал деньги графа, цена на векселя вновь начала расти и поднялась до сорока процентов.

«Да что же это такое», – в сердцах воскликнул вернувшийся на биржу Йозеф. Ему вновь пришлось отправиться в банк. Там он снял еще две с половиной тысячи. Наконец векселя на нужную сумму заняли место в нагрудной сумке Йозефа Мозеса. Можно возвращаться в Ганау.

В это время Ротшильд уже ехал во Франкфурт в почтовой карете. Час назад он распрощался с Верховеном:

– До встречи с тобой, Йохан, никогда не думал, что деньги можно делать так легко.

– Это только так кажется, Майер. На самом деле, легко делать деньги там, где ты управляешь процессом. В остальных случаях все зависит от фортуны.

– Фортуна любит достойных, – имея в виду себя, произнес Ротшильд.

– Это да. Только она сама их выбирает. И ее мнение часто не совпадает с твоим.

Йохан кивнул Майеру, давая понять, что разговор окончен и со словами: «Это тебе» – протянул ему пакет.

– Что здесь? – удивился Ротшильд.

– Газеты.

– Зачем?

– Когда я рассказал хозяину, что твои «земляки» покупа-

ли векселя, он велел передать тебе газеты.

– И все?

– Все, – отрезал Верховен.

Когда Майер забрался в карету, его захлестнули воспоминания о проведенной на бирже неделе. Вот где теперь делаются огромные деньги. С воодушевлением Майер начал строить планы быстрого обогащения. Но потом вспомнил о придворных евреях – Мозесе и Михеле. Вряд ли они разделяют такой оптимизм.

Прибыв во Франкфурт, Ротшильд, не заезжая домой направился в Ганау. На его удачу граф оказался на месте и согласился принять Ротшильда.

– Быстро вы, молодой человек. Я так понимаю, ничего не вышло?

– Почему же, ваше высочество? Как и обещал, я привез английские заемные бумаги номиналом три тысячи фунтов.

– Но как? Как вам это удалось?

– Это длинная история, ваше высочество, и утомительная.

– Ничего, я послушаю.

Майер рассказал наполовину правдивую историю биржевой игры. Свою роль в ней он, по совету Верховена, ограничил первой стадией, которая была связана с первой статьей в газете. А дальше кто-то включился в игру, и она вышла из-под контроля. Майер не решился участвовать в этой игре из-за высоких рисков.

Вильгельм слушал, задавал вопросы и в конце заявил:

– Это интересней, чем шахматы, а ты говоришь, утомительная история! Ты хорошо поработал. Ты понес какие-то расходы, думаю, сто талеров их возместят.

– Мое единственное желание, ваше высочество – заниматься вашими финансами. Но деньги я возьму. Бедному еврею нужно на что-то жить пока ваше высочество не соблаговолит сделать его придворным фактором.

– Видишь ли, Майер, то, что ты мне рассказал, это попадает мошенничеством. Я бы не хотел, чтобы мое имя было в этом замешано. Но и терять возможность игры на бирже я не хочу. Понимаешь?

– Вы хотите, чтобы я какие-то операции проводил от своего имени, не являясь вашим придворным фактором?

– Ты согласен?

– Да, ваше высочество.

– А теперь скажи, что бы ты делал, если бы не было этих статей в газете?

– Я в любом случае собирался распустить слухи о найденных залежах алмазов во владениях графа Саарского.

– Хорошо, иди.

Граф, отпустив Ротшильда, уселся за подсчеты. Если все было так, как рассказывает этот Ротшильд, он мог привезти не три тысячи фунтов в заемных бумагах, а четыре тысячи наличными. Есть надежда, что Мозес воспользуется представленной возможностью.

Но рассказ его придворных евреев поразил принца.

По их словам, никакой биржевой игры там не было. Они выставили векселя на продажу, как обычно, за половину нарицательной стоимости, но никто за такую цену покупать не захотел.

– Как же тогда Ротшильд умудрился поменять векселя на английские бумаги по номиналу?

– Ему просто кто-то дал эти бумаги, а про биржевую игру он придумал.

«Могло такое быть? – думал граф, – могло! Ротшильд ведь не знал, что за ним следят. Если все так, как говорит Мозес, кто-то настойчиво пытается подsunуть мне этого мальчишку».

– Хорошо. Идите, – отпустил граф своих финансовых помощников.

На выходе из зала Йозеф и Симон столкнулись с лакеем, несущим на подносе какое-то письмо. Разминувшись с ним, они покинули дворец и только здесь заговорили о том, как им несказанно повезло.

Как только лакей передал письмо хозяину, граф вскрыл конверт и прочел:

«Ваше высочество!

Выражаю Вам глубокую признательность за Ваше доверие к нашему банку. Уже больше двух лет мы ведем Ваш счет в отделении банка в Амстердаме. Руководством банка принято решение с первого числа текущего месяца уведомлять владельцев счета о списании денежных средств, в случае ес-

ли такое списание санкционировано не лично, а по доверенности.

На основании вышеназванного решения сообщаю...». Дальше шла табличка, из которой было ясно, что сентября одиннадцатого дня по доверенности на имя Йозефа Мозеса со счета сняты две суммы: шесть с половиной и две с половиной тысячи талеров.

Граф отложил письмо. Ничего странного не было в том, что Мозес снял деньги. Станным было лишь то, что он об этом не сказал. Забыл? Выясним это завтра.

На следующий день Майер, как обычно открыл свою меняльную лавку, но поработать ему не дали. В этот раз дежурный возок из Ганау прибыл без сопровождения солдат. Возница заглянул в дверь, скороговоркой выпалил: «Вас ждут в замке», – и вернулся на облучок.

Майер закрыл лавку и, подойдя к возку, открыл дверцу. Оба места внутри были заняты. Там важно сидели двое незадачливых биржевых игроков. Ротшильд вежливо поздоровался и уселся рядом с возницей, взобравшись на облучок.

По прибытии в замок им, всем троим, велели ждать.

Граф уже не спал и мог принять их сразу. Но он недавно прочел книжку по психологии, новомодной науке, и сейчас решил воспользоваться одной из рекомендаций. Суть ее в том, что нужно заставить своего оппонента ждать, если хочешь, чтобы он нервничал. Наследный принц очень хотел, чтобы его оппоненты нервничали. Поэтому он не принимал

их три часа, после чего велел пригласить Ротшильда.

Когда Ротшильд вошел в зал, граф долго смотрел на него, пытаясь отметить признаки нервного состояния посетителя. Ничего такого не заметив, граф попросил еще раз повторить рассказ о пребывании на бирже.

Майер принялся рассказывать и когда дошел до первой газетной статьи, граф его прервал вопросом:

– А не мог бы ты вспомнить, о чем написано в статье.

– Могу. Но если вам нужно точнее. У меня есть эта газета.

– У тебя есть газета?! Что же ты молчал?

– Да я не думал, что вам будет интересно.

– Ты можешь сейчас ее привезти?

– Газеты при мне, ваше высочество. Я, как сунул их в кафтан в Амстердаме, так еще и не вынимал.

Майер достал из кафтана свернутые три газетных листка и передал графу. Граф внимательно прочел все три статьи и отложил газеты на стол.

– Подожди в приемной, Майер, – после небольшого раздумья велел граф, – и скажи этим, пусть войдут.

Йозеф Мозес и Симон Михель протиснулись в зал через приоткрытую дверь. Йозеф узнал газеты на столе и понял, что их небольшая ложь раскрылась. Нужно срочно, что-то придумать. Нервное состояние Мозеса не укрылось от внимания графа. «Значит, психология не врет, – подумал он, – хотя в отношении Ротшильда психологический постулат не подтвердился».

– Сегодня я хочу услышать еще раз ваш рассказ о пребывании на бирже, – выразил желание наследный принц.

– Простите нас, ваше высочество, но вчера мы сказали неправду.

– Вот как? А будет ли мне позволено когда-нибудь узнать правду? – довольный своим сарказмом, произнес граф.

– Простите нас ваше высочество, но нам было стыдно. Мы не смогли устоять перед соблазном заработать больше денег для вас.

– Рассказывайте.

Йозеф начал рассказ. На этот раз он без утайки поведал обо всех неверно принятых решениях. Симон кивал в знак согласия. Лишь один раз он возразил: «Почему вам не сказать, Йозеф, что я был против выкупа векселей за сто двадцать пять процентов?». На что получил ответ: «Кому теперь это может быть интересно, Симон?»

– Это все понятно, – задумчиво сказал граф по окончании рассказа. – Мне непонятно другое, почему для покупки векселей вы сняли мои деньги?

– У меня нет кредита в Амстердаме, ваше высочество. Но я сразу по возвращении собирался внести девять тысяч талеров в казначейство.

– Внесли?

– Не успел, ваше высочество.

– Тогда так. Внесете десять тысяч в казначейство и сдадите в канцелярию все доверенности от моего имени. Вас это

тоже касается, Симон. Все. Идите.

– А как мне провести лишнюю тысячу?

– Вам – никак. Казначею скажете, что это штраф за обман.

Несмотря на возникшее отвращение к этим двум персонам, граф не мог так просто от них избавиться. Вся финансовая система Гессенского дома объединена общим управлением, и пока жив отец, ландграф Гессен-Кассельский, за ним остается окончательное решение по придворным факторам. Но постепенно надо обзаводиться и своими.

Наследный принц вышел в приемную и подошел к Майеру.

– Идите в канцелярию и составьте ходатайство на соискание чина придворного фактора, – и, как бы извиняясь за излишнюю формальность, добавил, – без бюрократии в финансах никак.

– А как же игра на бирже, ваше высочество?

– Рискованно это все. Давайте будем богатеть традиционными способами.

– Я приложу к этому все силы, ваше высочество.

Через три дня заветный патент о присвоении чина придворного фактора Гессен-Кассельского дома на имя Майера Ротшильда был у него в руках.

Майер, изучая в течение пяти лет деятельность при-

дворных факторов, прекрасно понимал, на чем они имеют свой гешефт. Вообще-то, благодаря особенностям характера, придворные факторы старались иметь гешефт на всем, но основной – получался на скидках за большие объемы. Ни один купец, если он покупал товар для торговли, не мог сравниться по объемам с государственными заказами владетельных князей и баронов. Чем больше объем, тем больше скидка. Придворному фактору остается войти в сделку со своим капиталом, и получить еще большую скидку.

Купленный с большой скидкой товар, можно сбывать оптом, а можно и в розницу, через лавки своих родственников. Насколько знал Майер, придворные факторы без всякого напряжения удваивали свой капитал за год.

В этом его главная загвоздка. Если собственный капитал, тысяча талеров, то за год ты и заработаешь тысячу талеров. Та тысяча талеров, которую он сумел скопить за пять лет работы в меняльной лавке, казалась Майеру слишком маленькой для старта. Чтобы быстро увеличить стартовый капитал, он знал только два способа: или ограбить богача или жениться на его дочери. Можно, правда, ограбить одного, а жениться на дочери другого. По юношеской наивности, он посчитал ограбление более рискованным способом первоначального накопления капитала. Поэтому от плана ограбления Майер отказался без больших душевных терзаний, а к плану женитьбы отнесся со всей серьезностью.

Сначала предстояло выбрать семью невесты. Майер не

стал привередничать и устанавливать невыполнимые требования к будущим родственникам. Начав с пяти простых требований, он с удивлением обнаружил, что ни одна знакомая ему семья не удовлетворяет им в полной мере. Постепенно снижая требования путем их последовательного вычеркивания, он оставил всего два, по его мнению, самых важных: достаточность капитала и наличие дочери на выданье.

Наиболее простую задачу: определить в каких семьях есть дочери на выданье, Майер поручил своей шпионской сети из многочисленных племянников. В течение одного дня у него появились сведения обо всех таких семьях, проживающих в гетто Франкфурта.

Намного труднее оказалось отсеять бедных, тех, чей капитал не поможет Ротшильду ускорить его восхождение к финансовому олимпу. Для себя Майер решил, что приданное меньше двух тысяч талеров, он даже рассматривать не будет. Как правило, отец невесты неохотно расстаётся в пользу дочери больше, чем с десятью процентами своего капитала. Значит нужно искать семью, капитал которой составляет больше двадцати тысяч талеров.

В этом и была трудность. Евреи не кичатся своим богатством, а многие даже скрывают его, чтобы у инспекторов казначейства не появился соблазн увеличить налог. Можно пройти мимо невзрачной лавки, и не догадаться, что в ее тайниках хранятся десятки тысяч талеров. Нет, по внешнему виду домов выбирать нельзя.

Нужно разговаривать с людьми – вот в чем решение.

На следующее утро, взяв с собой список адресов «невест», Майер приступил к поиску. Некоторые адреса он вычеркнул сразу. Здесь была реальная нищета, а не нарочитая бедность. Вычеркнутых «кандидаток» прибавлялось, пока «жених» не наткнулся на лачугу, которая его развеселила. Размером эта лавка была не больше лачуги Ротшильда, зато табличка на ней говорила о чрезмерных амбициях владельца. Надпись на табличке гласила: «Банк Вольфа С. Шнаппера».

Ротшильд вошел в «банк» и почти сразу уткнулся в конторку, за которой сидел средних лет мужчина. Черные волосы с проседью, крупный нос, пухлые губы, умный взгляд темных глаз. Слишком умный для клерка. Наверняка, это и есть владелец банка.

– Я бы хотел поговорить с хозяином этого благословенного дома, – произнес Майер заранее приготовленную фразу.

– И что тебе мешает, юноша?

– Мешает то, что я не полностью уверен, вы ли хозяин.

– В этом ты можешь не сомневаться.

– Тогда я пришел просить у вас выдать за меня вашу дочь.

– Вот как? – искренне удивился банкир, – так-таки сразу и выдать?

– А почему нет? Я выгодный жених. Вчера я получил чин придворного фактора принца Гессен-Кассельского. У меня есть кое-какие сбережения и, благодаря должности, я смогу их быстро прирастить. Если бы я мог рассчитывать еще и на

небольшое, тысячи две, приданое, то будущее вашей дочери и наших детей никогда не омрачит бедность.

– Ты хоть видел мою дочь?

– Издалека, – соврал Майер и глубоко в подсознание к нему начал забираться страх.

«А вдруг она совсем страшная? – крутилось у него в голове, – такая страшная, что невозможно будет с ней спать даже с закрытыми глазами».

– Гутле, выйди сюда, дочь – не оборачиваясь и не повышая голоса, произнес хозяин дома.

На его вызов из-за перегородки, которую Майер принял за стену, вышла девушка, и встала подле отца. Они были чем-то похожи, только у дочери все было меньших размеров и на лице смотрелось гармонично, а огромные ресницы и потупленный взгляд делали ее обворожительной. По классификации Ротшильда она не попадала в категорию красавиц, но была ниже лишь на полторы ступени: между милашкой и очень симпатичной.

Отец смотрел не на дочь, а на реакцию новоявленного жениха. Не заметив ничего оскорбляющего достоинства дочери, банкир сказал, обращаясь к ней.

– Посмотри на него, Гутле. Сможешь ты с ним прожить всю жизнь?

Девушка подняла взгляд на Майера, и он заметил, что один ее глаз немного косит. Но это опустило девушку в глазах Майера лишь до ступени «симпатичная». Юная Гутле

покрутила головой, проверяя, заметил ли молодой человек ее косоглазие. Заметил. Но не отреагировал. Такое бывает редко.

– Надо попробовать, папа, – ответила она.

– Тогда иди, дочь, а мы еще поговорим с молодым человеком. Так ты говоришь, что можешь показать свой патент?

– Да, вот он.

Прочитав патент, банкир вернул его Майеру.

– Значит ты, Майер Ротшильд, собираешься забрать у меня мою дочь, да еще и хочешь получить с меня две тысячи приданного?

– Именно так!

– А если не будет приданого?

– Ничего страшного. Просто безбедное будущее отодвинется вдаль на несколько лет.

– Будет тебе приданное, Майер Ротшильд. Даже не две, а две тысячи четыреста флоринов. Приходи завтра в обед. Будем читать контракт.

Ротшильд летел домой, как на крыльях. Две тысячи четыреста флоринов – это двенадцать с половиной тысяч талеров. Об этом он не мог мечтать даже в самых радужных грезах. За такие деньги можно стерпеть и слепоглухонемую уродину. А здесь, подумаешь, глаз чуть-чуть не туда смотрит! Наоборот, если бы не этот мелкий недостаток, приданого могло и не быть.

В контракте, который Ротшильд обсуждал со своим буду-

щим тестем на следующий день, не было ничего необычного. Банкир заботился о своих инвестициях и поэтому предусмотрел возврат полной суммы приданного вместе с процентами в случае развода супругов.

Майер пытался смягчить этот пункт, добавив к словам: «...в случае развода супругов», фразу: «по инициативе мужа». Но отец невесты категорически не согласился.

– Так не пойдет, Майер. Ты должен создать такие условия, чтобы Гутле не захотела с тобой разводиться.

– Хорошо. Где подписать? – взял в руки перо Ротшильд.

– Пока ничего не нужно подписывать, Майер. Я только хотел показать тебе условия договора. Время передумать у тебя есть.

– И... сколько, вы думаете, у меня времени?

– Думаю, год. И Гутле к тому времени повзрослеет. Не созрела она, чтобы рожать.

– Ну, год, так год, – согласился Ротшильд.

Свадьбу сыграли в конце лета следующего года.

Как и любая жена, Гутле хотела не только любить, но и гордиться своим мужем. Для того чтобы любить, нужно любить. А вот чтобы гордиться, нужно представлять, чем муж занимается. Краткий ответ мужа: «деньги меняю», ее не устраивал. Женщина продолжала приставать с просьба-

ми рассказать простыми словами о своей работе. Пришлось Майеру уступить и приподнять завесу таинственности со своей деятельности:

– Вот смотри, вызывает тебя, например, граф и говорит: «Мне надо двадцать тысяч имперских дукатов». Ты смотришь: если купить дукаты за талеры, то понадобится пятьдесят две тысячи двести талеров. А если купить сначала гульдены, а уж потом за гульдены купить дукаты, понадобится пятьдесят одна тысяча восемьсот талеров.

– И ты заработаешь четыреста талеров?

– Если бы! Пока поездишь туда-сюда, поменяешь одно на другое, бывает и сотня талеров в расходы уходит.

– Майер, а зачем графу дукаты? – вдруг спросила Гутле.

– Да мало ли зачем, Гути? Может ружья купить, может пушки, а может коней.

– Я вот о чем подумала, Майер, – после недолгого молчания продолжила разговор молодая жена, – ты ведь знаешь, чем занимается мой отец?

– Деньги в долг дает.

– Да, но кому он дает? – гнула непонятную линию Гутле.

– Тем, кто попросит, наверное. Что ты хочешь сказать Гути?

– Деньги у него берут купцы. Они здесь покупают товар за талеры, увозят, например, в Вену, там его продают за дукаты. На дукаты покупают другой товар, везут сюда и продают его за талеры.

– Ну, и зачем ты мне это рассказала?

– Как зачем? Купцам за один оборот хватает денег расчитаться с банком отца и себе остается не мало.

– Ну и что? Мне порадоваться за купцов? Или начинать им завидовать?

– Зачем ты так, Майер? – с обидой в голосе произнесла Гутле, – я просто хотела сказать, что отец дает деньги купцам под большие проценты, и то они гешефт имеют. А тебе граф дает деньги бесплатно. Что если их через товар пропускать?

– Не все так просто, Гути. Граф не будет ждать, пока я продаю товар. Деньги ему нужны сразу.

– Тогда надо брать товар, который можно продать сразу.

– Вопрос в том, как узнать, что там можно быстро продать? Нужна сеть агентов повсюду.

– У тебя же много племянников, Майер! Чем они не агенты?

– Тем, что полностью доверять я могу только себе.

– А детям?

– Детям?

– Да, своим детям ты доверять сможешь?

– Не знаю. Наверное. Но ведь их у нас пока нет, Гути.

– И не будет, пока не начнем их делать.

В то самое время, когда молодая семья Ротшильдов при-

ступила к воплощению своих планов по созданию торговой сети в Европе, две российские эскадры хозяйничали в Средиземном море. Месяц назад они сожгли турецкий флот под Чесмой и теперь обустроивали базы на греческих островах Киклад. Греческое население островов, уставшее от столетий турецкой оккупации, радостно встречало своих православных «братьев» русских. В российское подданство перешло двадцать семь островов Эгейского моря.

А ведь еще недавно над русским флотом потешалась вся Европа. Выйдя из Кронштадта в составе восемнадцати судов, первая эскадра, возглавляемая адмиралом Спиридовым, без всяких столкновений с противником потеряла одиннадцать боевых единиц. Из семи судов, добравшихся, в конце концов, до Средиземного моря, шесть простояли на ремонте в Англии в течение трех месяцев.

«Трепещи, Османская Порта, русские на семи боевых корытах собираются сокрушить весь твой флот...», – издевательски комментировали поход российской эскадры французские газеты. Английские были сдержаннее: «...вряд ли мы можем надеяться на то, что российский флот способен поколебать османское господство на Средиземном море...», – возвещали они.

Когда пределы Балтики покинула вторая российская эскадра в составе семи судов, в европейских салонах перестали обсуждать наряды фавориток, а переключились на арифметику.

– Маркиз, как вы думаете, сколько? – обычно спрашивал один завсегдатай салона у другого.

– Думаю, три, граф, не больше, – отвечал ему собеседник.

– Вы, видимо, сторонник пропорциональных расчетов, маркиз?

– Да. Я считаю такой подход более правильным. А вы – нет, граф?

– Нет, я отдаю предпочтение исключительному подходу и, согласно ему, ни один русский корабль не доберется до места назначения.

Каково же было изумление европейской публики, когда семь боевых судов присоединились к первой эскадре. Правда, по пути произошла небольшая рокировка. Одному из линкоров пришлось вернуться из-за технической неисправности, но его место занял другой, только что отремонтированный в Англии.

Шуток поубавилось.

А когда русские на своих корытах полностью уничтожили вдвое превосходящий по численности турецкий флот, потеряв одиннадцать моряков убитыми, Европу охватил мозговой паралич. В такое невозможно было поверить. Как? Кто тот великий флотоводец, одержавший столь славную победу?

На всех языках загрохотало имя графа Алексея Орлова. Английские газеты вопрошали, уж не бог ли он, ибо такое не под силу человеку. Вольтер сравнивал его с Фемистоклом,

легендарным греческим героем, который мог с честью выбираться из любых затруднительных положений. Женщины видели в нем античного Геркулеса, наделенного умом Одиссея.

И вот этот непревзойденный герой только что холостым выстрелом из пушки флагманского линкора «Три Иерарха» возвестил о своем прибытии в итальянский порт Ливорно. Встретить победителя османов высыпало все население города.

Из шлюпки на пирс сошел двухметровый богатырь. Его лицо, мужественную красоту, которого не смог испортить даже шрам, осветилось улыбкой. Молодой, тридцати четырех лет, командующий русским флотом, понимал, конечно, что стал популярным. Но чтобы настолько!

Женщины визжали и тянули к нему руки, мужчины сдержанно аплодировали. Дети, не понимая, что происходит, и визжали, и аплодировали.

В сопровождении этого радостного шума и обожающих взглядов, граф Алексей Орлов вместе с группой адъютантов и квартирмейстера прошествовал в свою резиденцию.

Когда толпа осталась за воротами, граф облегченно вздохнул. Его не сильно встревожил и испуганный вид спешащего ему навстречу дежурного офицера. Сейчас просто не могло быть плохих новостей.

– Ваше превосходительство, вас ожидает генерал Салтыков, – громко доложил дежурный, едва остановившись перед командующим.

– И чего ты так всполошился?

– Какой-то он...

– Страшный? – изобразил страшное лицо граф.

– Не знаю, но взглядом тебя так и сверлит. Я подумал, уж не из Тайной ли он Канцелярии?

– Ладно, разберемся с твоим генералом. Где он?

– Я проводил его в библиотеку.

Оставив свиту, граф Орлов решительно вошел библиотеку и остановился, как вкопанный.

– Вы?! Но что за маскарад? – удивленно произнес Алексей, увидев сидящего в кресле человека в форме генерала русской армии.

– Не стой каланчей, Алешенька. Я у тебя инкогнито. Меня и так все считают шпионом, только не могут понять, чей я шпион. Если я открыто буду к тебе являться, то решат, что я русский шпион.

– Вы сказали: являться, падре мио. Означат ли это, что мы будем часто видеться?

– Ну, не так часто, как мне бы хотелось, но встречаться мы будем. Сейчас ты – самая главная фигура, Алеша. И у меня к тебе есть две просьбы.

– Все, что угодно, падре мио.

– Всего мне не нужно. Попросишь у Катеньки патент генерала на имя Салтыкова Дениса Федоровича.

– Хорошо. Сегодня же напишу...

– Не напишешь, а поедешь в Санкт-Петербург и попро-

сишь лично.

– Да, как-то из-за одного патента ехать...

– Ну, зачем же из-за одного патента? Ты поедешь просить подкрепление Алеша. Ты, конечно, разбил флот Гасан-бея, но это не единственный флот Порты. Попросишь у Катеньки еще две-три эскадры.

– Зачем они мне? Дарданеллы я закрыл. За зиму укреплю Киклады, турки сюда больше не сунуться.

– Они, может, и не сунутся. Ты к ним сунешься Алеша. Их египетский флот всегда будет висеть над тобой дамокловым мечом.

– Но у нас не было Египта в планах кампании.

– Я думаю, Катя не спросит, зачем тебе подкрепление, но, на всякий случай придумай обоснование по дороге.

– И когда мне ехать?

– Да завтра и поезжай, Алешенька.

– А вторая просьба?

– Дай мне на время твой флагман, Алеша. Мне нужно прокатиться до Корсики.

– Там же сейчас французы, падре!

– Именно поэтому мне и нужен российский линкор.

– Хорошо я распоряжусь.

На следующий день, командующий Средиземноморским флотом России, граф Алексей Орлов сел в возок и в сопровождении небольшой охраны направился в Санкт-Петербург. А сухопутный генерал Салтыков взошел на линейный

корабль «Три Иерарха» и приказал капитану взять курс на Корсику.

Губернатор Корсики граф де Марбо наслаждался теплым осенним днем в саду своей резиденции. И, как это обычно бывает, кто-нибудь да испортит хорошее настроение. Вон бежит лакей. Наверняка несет с собой дурную весть. Почему так бывает: хорошую весть лакеи донести не торопятся, а плохую – вон как, вприпрыжку тащит.

– Прибыл лейтенант береговой охраны, ваше превосходительство, со срочным донесением, – на одном дыхании доложил лакей.

– Впусти его сюда, – распорядился граф.

Не успел лакей скрыться за дверью, в сад ворвался офицер и без предисловий доложил:

– Русский линкор встал на рейде в бухте Аяччо, ваше превосходительство.

– Русский линкор?! Как он прошел?

– А кто бы ему помешал, ваше превосходительство? Да и он салютовал, сообщая, что идет с добрыми намерениями.

– Отправь к ним дежурную команду. Пусть узнают, чего хотят русские.

– Поздно, ваше превосходительство. Они уже идут сюда.

– Сюда? Все?

– Нет, ваше превосходительство. Только их генерал в сопровождении береговой охраны.

– Ну, и какой тогда смысл в твоём докладе?

– Я подумал вам лучше узнать заранее, ваше превосходительство.

– Заранее, – проворчал губернатор, – насколько ты их опередил?

– Думаю, на полчаса.

– Ступай.

Губернатор с сожалением поднялся с мягкого пуфа, глубоко вздохнул и, не спеша, направился в дом. От хорошего настроения не осталось и следа. Зачем русский генерал появился на Корсике? Франция официально не воюет с Россией, хотя негласно поддерживает османов. Русские это знают и могут пойти на ответный недружественный шаг. Например, захватят Корсику и выставят условия Франции. От этих русских можно ждать чего угодно.

Когда русский генерал входил в дом в сопровождении двух офицеров береговой охраны, де Марбо приготовился дать ему отпор во всем, на чем бы тот не настаивал.

– Отпустите своих офицеров, граф, – с порога произнес вошедший.

Услышав голос генерала, губернатор остолбенел. Он стоял с открытым ртом, недоуменно уставившись на генерала. Из ступора его вывела повторная просьба важного гостя:

– Граф, нам нужно поговорить наедине.

– Да, да, конечно, – пробормотал де Марбо и уже громче скомандовал охране, – выйдите за дверь!

– Присаживайтесь, граф, – произнес гость, опустившись в одно из кресел, – удивлены?

– Да, я... – губернатор сглотнул комок, застрявший в горле, – простите, мессир, я не выполнил ваше поручение.

– Вы о золоте Паоли? Забудьте. Это уже не актуально. Я все выяснил. Сейчас у меня к вам дело другого рода.

– Я весь к вашим услугам, мессир.

– Для начала, граф, пошлите кого-нибудь в город разузнать о семье некоего Шарля Бонапарта.

– Я сей же час кого-нибудь пошлю, – губернатор кинулся из комнаты, обрадованный, что задание такое легкое.

Вскоре он вернулся с сияющей улыбкой на лице:

– Через два часа у вас будут исчерпывающие сведения об этой семье, мессир, – объявил губернатор. – Может быть, пока ждем, не откажетесь со мной отобедать?

– Вы же знаете, Марбо, я не ем в гостях. Лучше расскажите мне, какие депеши вам шлют из Парижа, относительно русских?

– Да, все, как обычно: поддерживать нейтралитет, в конфликт не вступать... Простите, мессир, ваша форма... вы пошли на службу к русским?

– Фи, Марбо! Я никогда никому не служу. Этот маскарад для отвлечения внимания. Ни одна живая душа не должна знать, кто у вас был под маской русского генерала.

– Но ведь меня спросят, с какой целью русские нанесли мне визит.

– Обязательно спросят. Ответите, что русские приходили предложить нейтралитет, а вы милостиво согласились.

– Благодарю, мессир, – с чувством облегчения произнес губернатор.

Спустя два часа, де Марбо пересказывал гостю сведения, которые удалось собрать посланными агентами. Генерал слушал, не перебивая, лишь однажды задав уточняющий вопрос:

– Когда, вы говорите, родился второй ребенок?

Губернатор посмотрел в предоставленную агентами бумагу и ответил:

– Пятнадцатого августа прошлого года. Наречен Наполеоном.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул генерал, – я поручаю вам, граф де Марбо, стать неофициальным опекуном и финансистом этого мальчика. Заботьтесь о нем, как о собственном сыне. Делайте что хотите, но его должна ждать военная карьера.

– Я все понял, мессир. Но под каким соусом я должен помогать мальчику?

– Придумайте что-нибудь. Станьте ему крестным отцом, а его отцу найдите приличную должность.

Губернатор кивнул и, будто вспомнив о чем-то, заглянул в бумагу, которую до сих пор держал в руке.

– Здесь написано, что его окрестили сразу после рождения, мессир.

– Ничего страшного. Убедите родителей пройти этот обряд повторно. Лишним не будет.

– Можете на меня положиться, мессир.

– В таком случае я вас покидаю, граф. Деньги вы получите в ближайшее время.

Генерал встал, протянул вперед руку с перстнем гроссмейстера ордена тамплиеров, дождался, пока де Марбо исполнит ритуал, предписанный «посвященному рыцарю», и направился к выходу.

Глава 4. Русская карта.

В Санкт-Петербурге граф Алексей Григорьевич Орлов был обласкан императрицей. Имения с тысячами душ крестьян, ордена, специально отчеканенная в его честь медаль, сундук денег, право носить приставку «Чесменский» к своему имени – все это сыпалось на него, как из рога изобилия. Но просьбу победителя османов об аудиенции наедине Екатерина будто не слышала.

Алексей Григорьевич и сам уже не знал, нужно ли ему встречаться с императрицей тет-а-тет. Все, зачем он ехал в столицу, разрешилось и без этой встречи. Екатерина, не читая, подмахнула все представления и патенты на генеральские чины. В числе прочих оказался и патент на имя Салтыкова Дениса Федоровича, который до этого даже рядовым не служил в российской армии. Не возникли у императрицы и вопросы о подкреплении Средиземного флота новыми эскадрами. Более того, Екатерина обрадовала графа, что одна эскадра уже в пути. Еще две эскадры комплектуются из новых и восстановленных судов.

У графа создалось впечатление, что его поскорее хотят сплавить с глаз долой к месту службы. Никого здесь не интересовали его планы военной компании, не ставились цели. Заседание Государственного Совета герой Чесмы покинул в

растерянности. У него накопилось немало вопросов, ответы на которые мог дать только один человек – его брат Григорий. К нему Алексей Григорьевич и отправился.

Брат оказался дома, но спал. Спал в три часа пополудни!

– Разбудите, – властно приказал граф слугам.

– Не велено, ваше сиятельство, – невозмутимо ответил один из них.

– Разбудите. Третий раз повторять не буду.

– Не губите, ваше сиятельство. Не велено.

Граф молча подошел к двум слугам, загородившим проход в спальню своего господина, схватил их огромными руками за шеи и отшвырнул в разные стороны. Еще не отойдя от возбуждения, он с такой же силой рванул распашные двери спальни, едва не сорвав их с петель.

– Гриша, вставай! Сколько можно спать? – громовым голосом Алексей возвестил о своем прибытии.

– А, Алеша, чего ты так рано?

– Рано?! Время за полдень! Ты почему не был на Совете?

– Да, я... мне не сказали, что Совет собирается.

– Так найти не могли, наверное. Гулял, небось, опять до утра?

– Да, ладно, тебе, Алеша! Здесь и без тебя хватает, кому мораль мне читать. Лучше сам расскажи, как ты, какие успехи в амурных делах?

– В амурных? Вообще-то я там воюю, Гриша. А вы здесь чем занимаетесь? Что с Катей?

– А что с Катей?

– Она избегает личной встречи. Вокруг нее куча прихлебателей. Меня чуть ни стошнило от их лести, а она воспринимает все, как должное.

– Да, Катя изменилась.

– Гриша, устрой мне с ней встречу. Я хочу узнать, в чем причина. Может, ей снова нужна наша помощь?

– Понимаешь, Алеша, я не могу пойти к императрице, когда захочу. Мне дозволено являться, только когда она возжелает, – с сарказмом выделяя слова «императрица» и «возжелает», понуру проговорил Григорий Григорьевич.

– Так вы что с ней больше не ... того?

– Я же говорю, Алеша, «того», только когда она этого захочет.

– Да, дела... Как такое могло случиться, Гриша? Наверняка, Катя узнала о твоих похождениях?

– Если бы. Так бы хоть не обидно было. Нет, Алеша. Она просто однажды решила, что стала настоящей императрицей. Она думает о себе, как о просвещенной государыне. Она думает, что лучше других знает нужды России. Теперь все, кто знал ее растерянной девочкой, вошли в немилость.

– А может так и есть, Гриша.

– Конечно, так и есть!

– Да я не о том. Может, именно она и знает лучше других нужды России? Ты же помнишь, Благодетель наш только с ней об этом говорил. А еще что он говорил? Забыл? Он го-

ворил: Катька умная, а где умом не возьмет, там хитростью добьется.

– Раньше я тоже так думал. А теперь смотрю: дура душой.

– Это потому что спать с тобой перестала, Гриша? – улыбаясь реплике брата, попросил уточнить мысль Алексей.

– Поэтому – тоже, но не только. Вот объясни мне, зачем она тащит сюда всяких иностранцев? Володя, как-то попросил меня походатайствовать за одного ученого...

– Наш брат Володя?

– Ну, да. Ты же помнишь, что он директор Академии наук? Так вот, знаешь, что она мне сказала?

– Что?

– «Не твое это, Гриша. Не лезь, куда не понимаешь. А что, до ученого, то хороший ученый сам себе дорогу пробьет». Ты понял? Иностранцам: и подъемных десять тыщ, и жилье казенное, и полный пансион, и дело выбирай, какое хочешь. А нашим? Кукиш с маслом! Пробивай сам себе дорогу.

– Вот что, Гриша, поживу-ка я у тебя месяц, другой. Поглядим, обмозгуем, авось что и придумаем.

План, который только что сложился в голове Алексея, был прост: обойти всех соратников по перевороту 1762 года, расспросить их и составить объективное мнение. Уж больно в Гришиной оценке обида просвечивает. Однако, потратив две недели на пустые разъезды, никого, кроме Петра Пассека, не нашел. Все они оказались или усланными в родовые имения или заграницей. Да и Пассек не горел желанием от-

кровенничать.

– Ты меня, Алексей Григорьевич, насчет государыни не пытай. Не моего ума это дело: ее деяния обсуждать, – сходу заявил Петр Богданович, пресекая даже попытку расспросов.

– Да бог с ней, с государыней, Петр Богданович. Ты мне скажи, где все наши? Где Екатерина Романовна?

– Вот что я скажу, Алексей Григорьевич, завтра меня будут пытать, какие разговоры ты со мной вел. Лучше я промолчу.

Алексей ушел, не попрощавшись, а на следующий день получил письменное предписание явиться на высочайшую аудиенцию.

Екатерина приняла графа в своем рабочем кабинете.

– Что-то ты, Алесей Григорьевич, загостился в столице, – сразу взяла быка за рога императрица, – флот без командира оставил. А ну, как турки демарш предпримут? Кто отвечать будет? Возвращайся-ка ты к своим обязанностям, а здесь, слава богу, есть, кому с делами управляться.

– Государыня, я... – собрался начать долгий разговор граф.

– Поезжай, Алексей Григорьевич, – не дав ему слово, устало закончила разговор Екатерина.

Вот тебе и «Катенька»! Чего она боится? Неужто она думает, что мы власть с ней делить собрались? Этот вопрос Алексей и задал своему брату, когда закончил все сборы к

отъезду.

– Ты не поверишь, Алеша, когда я скажу, чего она боится, – после недолгого раздумья ответил Григорий Григорьевич, – она мужа своего боится.

– Мужа?! Так он, вроде, того...

– Видать их много было, – рассмеялся Григорий. – Недавно у нас уже четвертый «царь Петр Федорович» объявился.

– Вот как? Не знал. Только не пойму, чего их бояться? С самозванцами разговор короткий: голову долой.

– Я ей так и говорил. Но она теперь других слушает. Кто-то ей напел, что народ взбунтуется, если самозванца на голову укротить. Вот она их всех в Нерчинск и ссылает. Скоро там простых каторжан меньше, чем «царей» будет.

– Объясни мне, Гриша, чего самозванцев бояться? За ними, что иноземные армии стоят, как за Лжедмитрием?

– Понимаешь, Алеша, стоит самозванцу кликнуть, что он царь, незаконной царицей изгнанный, как к нему народ толпами стекается.

– Да, любит наш народ справедливость, – ухмыльнулся Алексей. – Знали бы люди, что за царь был Петя Гольштейнский, небось сами разорвали б самозванца. А, Гриш?

– Да уж.

– Ладно, Гриша, давай прощаться. На войну иду, как-никак.

Прощанье братьев было коротким. Они обнялись, Алексей уселся в возок и через пару минут скрылся из виду.

Ливорно. Июнь. Жара. Граф Алексей Орлов удобно устроился в тени беседки на своей вилле. В руке у него бокал охлажденного белого вина. В такую жару других напитков он не признавал. Если бы кто-то мог наблюдать за графом со стороны целый день, то ему могло показаться, что граф Алексей никогда не выпускает из рук бокал. Он пил целыми днями, но допьяна ни разу не напивался. Виной тому была хандра. Она оказалась сильнее вина, и чем больше граф пил, тем сильнее хандра сопротивлялась.

– Что, Алешенька не весел, что ты голову повесил? – от неожиданности Алексей вздрогнул и пролил на себя полбокала вина.

– Вы, падре мио?! – быстро взяв себя в руки, но, не скрывая удивления, воскликнул русский граф.

– Если, кто-то выглядит, как я, говорит, как я, то это и есть я. Ты же не это хотел спросить, сын мой?

– А что я хотел спросить? – еще не протрезвев, включился в разговор Орлов.

– Ты хотел спросить, что делать дальше.

– В этот раз вы не угадали, падре. Я больше ничего не хочу делать. Катьке это не нужно. Ей нужно, чтобы мы не болтались у нее перед глазами.

– Эх, Алеша... Ты разве «Катьке» служишь? Ты России

служишь! Хватит хандрить, граф Орлов!

Алексей поднес бокал к губам, но пить не стал. Он выплеснул вино в траву, поставил бокал на стол и совершенно трезвым голосом спросил:

– Что мне делать дальше, падре?

– То же что и раньше, Алеша, бить турок.

– Мало сил у меня для сухопутных операций, а флот свой басурмане попрятали.

– Знаю, Алеша, и хочу помочь тебе.

– Помочь? Но чем?

– Ты привез мне патент на генеральский чин?

– Да, привез. Сейчас в дом сбегая.

– Не надо. Пусть пока у тебя побудет. Хочу к тебе на службу поступить.

– Вы?!

– А что? Думаешь, не справлюсь? Если серьезно, Алеша, давно у меня мысль созрела: создать службу лазутчиков.

– Лазутчиков? Зачем?

– Чтобы замышления врагов заранее знать, чтобы врагу неприятности в его землях учинять, чтобы врагов твоих врагов на свою сторону перетягивать. Ты знаешь, Алеша, что в Леванте и Египте есть много врагов османов?

– Слышал.

– Вот! Их нужно подбодрить, пообещать нашу поддержку и пусть басурмане бьются между собой.

– Простите, падре мио, но зачем нам Левант и Египет?

– Видишь ли, Алеша, за усы дернуть султана ты сейчас не можешь: Дарданеллы тебе не пройти. Так давай подергаем его за хвост, и тем вынудим распылять свои войска.

– Что от меня требуется?

– Выделишь мне базу на Паросе и отпишешь дюжину самых храбрых офицеров, а сам принимай новую эскадру. Надо добивать басурманский флот.

– Мы вместе идем на Парос?

– Да, Алеша. И если у тебя по этому поводу вопросов нет, у меня есть вопрос.

– Я слушаю, падре.

– Что случилось в Санкт-Петербурге и почему ты недоволен Екатериной?

Этот вопрос лишь на мгновение ввел в замешательство Алексея. Должен ли он отвечать? А как иначе? Человек, которого заговорщики памятного 1762 года звали не иначе, как Благодетель, имел право знать, во что превратилось его детище. Поэтому Алексей, не скрывая, поделился своими тревогами по поводу изменения отношения императрицы к своим бывшим ближайшим соратникам. Не мог Алексей и пройти мимо рассказа брата о страхах русской императрицы, относительно самозванцев.

– Не могу я этого понять, отец мой. От того и в хандру впал – закончил свой рассказ граф Орлов.

– А чего ты понять не можешь? Известно ведь: у бабы ум короткий, а память – еще короче. Нам обиду на это держать –

самим глупостью заразиться. Могу только повторить: не ей мы служим, а отечеству.

Инспекцию состояния флота перед предстоящей компанией граф Орлов и генерал Салтыков учиняли совместно. Налицо оказалось полное отсутствие провианта и, что еще хуже, достоверных сведений о противнике.

– Вот, Алеша, найди-ка ты османский флот без лазутчиков, – как будто продолжая только что прерванный разговор, промолвил Салтыков.

– Вижу, что вы правы, как, впрочем, и всегда. Я уже распорядился подбирать команду из бравых офицеров.

– Вот и славно! Через полгода я из них знатных лазутчиков сделаю. А ты пока провиантом займись.

До конца 1771 года, опустошив все прибрежные базы провианта турков, российский флот подготовился к решительной компании, которую планировали начать весной и закончить осенью следующего года. К этому же моменту у командующего флотом должно сложиться ясное представление о расположении сил неприятеля.

Так и произошло. В мае месяце 1772 года Салтыков представил Алексею Орлову полный расклад сил османов на побережье и на море. Уж очень он был удачным для русских. К этому моменту Порты не смогла собрать весь свой флот в единый кулак, и можно было легко разбить его по частям.

Началась подготовка к походу. На суда загружали порох, ядра, пули и провиант. И в этот момент пришла высочайшая

депеша из Санкт-Петербурга: немедленно прекратить все военные действия вплоть до особого распоряжения. Начались мирные переговоры в Фокшанах.

Алексей Орлов был взбешен. Он понимал, что за время перемирия турки перегруппируются, соберутся в кулак и разгромить их будет сложнее. Да и сведения от лазутчиков, собранные с таким трудом, окажутся устарелыми. Генерал Салтыков не пытался унять гнев Алексея, наоборот он его всячески раздувал.

В конце концов, генерал убедил графа выдать ему грамоту полномочного представителя российского Средиземного флота на переговорах в Фокшанах.

Ранним утром 21 июня 1772 года казачий разъезд патрулировал дорогу на окраине небольшого села Кременчуг, что раскинулось на равнине в двух верстах от правого берега Днестра. Здесь, в глубоком тылу русской армии, казаки охраняли провиантские обозы и отлавливали дезертиров. Бывало, что и польские лазутчики попадались. Самим туркам выступать в роли лазутчиков было несподручно, и они широко использовали для этой цели союзных с ними поляков.

Понятно, что отличить поляка от русского по внешним признакам невозможно, поэтому казаки задерживали и подвергали дознанию всех подозрительных прохожих и проез-

жих. Бывали такие дни, что до десятка задержанных отправляли к есаулу на дознание, а он столько же отпускал. Видно не водились здесь супостаты. Хотя ходили слухи, что в соседней Слободе поймали настоящего лазутчика, так сам командующий наградил всех трех казаков из разъезда рублем и чаркой водки.

Очередного подозрительного прохожего казаки заметили сразу, как только выехали на дорогу. Этот человек, одетый по-казацки, быстрым шагом удалялся в сторону реки, что странно. Казаку, если ты не на службе, здесь делать нечего. А если ты на службе, то ты идешь не туда. Войско – в другой стороне.

Казаки быстро догнали пешего путника.

– Эй, мил человек! – окликнул его старший разъезда в звании урядника, – ты кто таков и куда путь держишь?

– Я казачий хорунжий Пугачев. А хожу здесь по своей надобности.

– Хорунжий? И документ при себе имеешь, вашбродь?

– А как же, служивый. Вот и документ.

Путник достал из-за пазухи бумагу и протянул уряднику. Казак принял бумагу, не читая, сунул ее в карман и сказал:

– Иди за нами, мил человек. Есаул прочитает, что ты за хорунжий.

– Робяты, да что ж вы творите? Я ж свой! Зачем к есаулу? Отпустите, а? А я вам за это по рублю серебром дам.

Старший резко приструнил коня. То же сделали и осталь-

ные двое казаков, взяв путника в треугольник.

– По рублю, говоришь? – ухмыльнулся урядник, – врешь, небось, а у самого-то и нету.

– Да вот те крест! – истово перекрестился путник.

– Ну, покажи.

Путник стал развязывать котомку, из которой достал большой кошель. Опустив туда руку, он отсчитал на ощупь три монеты, вынул их и протянул старшему. Казак, не прилагиваясь к монетам, командовал:

– А ну, ребята, вяжи его!

Казаки соскочили с коней и сноровисто связали руки за спиной путника его же кушаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.